

МИШЕЛЬ УЭЛЬБЕК

ПЛАТФОРМА

CoRpus

РОМАН

Эта книга — классический бестактный Уэльбек:
остроумный, неудобоваримый, намеренно
отталкивающий и неудержимо приятный.

TIME

18+

Мишель Уэльбек

Платформа

«Издательство АСТ»

2001

УДК 821.133.1-31
ББК 84(4Фра)-44

Уэльбек М.

Платформа / М. Уэльбек — «Издательство АСТ», 2001

ISBN 978-5-17-157839-8

После смерти отца Мишель, утративший вкус к жизни госслужащий на пороге сорокалетия, отправляется в Таиланд, чтобы побаловать себя экзотическими удовольствиями. Там он знакомится с Валери, сотрудницей крупной туристической компании, и делится с ней своей теорией об истинных мотивах европейцев, ищущих острых ощущений. Оказавшись втянутым в борьбу за прибыль любой ценой, Мишель цинично рассматривает западное общество, которое с невиданным доселе успехом превращает человеческое тело в товар. Возможно, он удивится, когда обнаружит, что люди по-прежнему способны на чувства...

УДК 821.133.1-31

ББК 84(4Фра)-44

ISBN 978-5-17-157839-8

© Уэльбек М., 2001

© Издательство АСТ, 2001

Содержание

Часть первая	6
1	6
2	9
3	15
4	17
5	19
6	25
7	30
8	35
9	38
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Мишель Уэльбек

Платформа

*Чем гнуснее жизнь человека, тем сильнее он к ней привязывается;
он делает ее формой протеста, ежеминутной мстью.*
Оноре де Бальзак

MICHEL HOUELLEBECQ
PLATEFORME

Перевод с французского Ирины Радченко

Художественное оформление и макет Андрея Бондаренко

© Michel Houellebecq & Editions Flammarion, Paris, 2001
© И. Радченко, наследники, перевод на русский язык, 2024
© А. Бондаренко, художественное оформление, макет, 2024
© ООО «Издательство АСТ», 2024
Издательство CORPUS ®

Часть первая Тропик Тай

1

Год назад умер мой отец. Существует теория, будто человек становится *по-настоящему взрослым* со смертью своих родителей; я в это не верю – *по-настоящему взрослым* он не становится никогда.

Когда я стоял у гроба старика, в голову лезли разные гадкие мысли. Старый хрен умел устраиваться, пожил в свое удовольствие. “Ты трахал девок, дружок, – распалял я себя, – ты засовывал моей матери между ног свою здоровенную штуку”. Само собой, я был на нервах: не каждый день хоронишь родных. Я не видел его мертвым, отказался. К сорока годам я уже достаточно насмотрелся на покойников и теперь предпочитаю этого избегать. Я и домашних животных потому никогда не заводил.

И не женился тоже. Возможности предоставлялись – хоть отбавляй, но я всякий раз уклонялся. А ведь я люблю женщин. Свое холостяцкое житье воспринимаю скорее с сожалением. Особенно на отдыхе неуютно. Когда мужчина в определенном возрасте отдыхает один – это настораживает: невольно думается, что он эгоист, к тому же, наверное, порочный; и возразить мне тут нечего.

С кладбища я вернулся в дом, где отец прожил последние годы. Прошла неделя с тех пор, как обнаружили тело. В углах комнат и вдоль шкафов уже скопилось немного пыли; край одного из окон затянулся паутиной. Время медленно вступало в свои права, а с ним энтропия и все такое. Холодильник оказался пуст. В шкафах на кухне лежали в основном пакетики готовых обедов для регулирования веса *Weight Watchers*, коробочки ароматизированных протеинов, энергетические батончики. Жуя печенье с магнием, я прошелся по комнатам первого этажа. В котельной немного поупражнялся на велотренажере. В свои семьдесят с гаком отец был куда крепче меня физически. Час интенсивной гимнастики ежедневно, бассейн два раза в неделю. По выходным он играл в теннис и выезжал на велосипеде со сверстниками; кое-кто из них пришел проститься с умершим. “Мы все на него равнялись!.. – воскликнул пожилой гинеколог. – Он был на десять лет старше, а вверх по двухкилометровому склону минуту форы нам давал”. Ах, отец, отец, сказал я себе, до чего же ты был тщеславен! Краем глаза я видел слева силовую скамью и гантели. Воображению представился болван в шортах, с безнадежным упорством напрягающий свои грудные мышцы; лицо морщинистое, а в остальном до крайности похоже на мое. Отец, сказал я себе, отец, ты построил свой дом на песке. Я продолжал крутить педали, но дышал уже тяжело, и ляжки побаливали, хотя выше первого уровня я не поднялся. Перед глазами стояла траурная церемония: я сознавал, что произвел прекрасное впечатление. Я узкоплеч, всегда чисто выбрит; годам к тридцати начав лысеть, стригусь с тех пор очень коротко. Костюмы ношу обычно серые, галстуки неброские и вид имею невеселый. И так – почти безволосый, насуспенный, очки в тонкой оправе, голова чуть опущена – я слушал весь ассортимент похоронных песнопений и чувствовал себя как рыба в воде – куда непринужденней, чем, скажем, на свадьбе. Поистине, похороны – это мое. Я перестал крутить педали, откашлялся. На окрестные луга ложилась ночь. Рядом с бетонным фундаментом котла бурело на полу плохо отмытое пятно. Здесь отца нашли с пробитым черепом, в шортах и толстовке *I love New York*. По заключению судмедэксперта, смерть наступила за три дня до этого. Приписать ее несчастному случаю можно было только с большой натяжкой: поскользнулся, скажем, в лужице мазута или не знаю чего. Впрочем, пол был совершенно сух, а череп пробит

в нескольких местах, даже мозг немного вытек – все указывало скорее на убийство. Вечером ко мне должен был заехать капитан Шомон из шербурской жандармерии.

Я возвратился в гостиную и включил телевизор *Sony* формата 16/9 с диагональю экрана 82 см, объемным звуком и встроенным DVD-проигрывателем. На канале TF1 шла “Зена – королева воинов” – один из моих любимых сериалов; две мускулистые девицы в металлических лифчиках и кожаных мини-юбках размахивали саблями. “Твоему царствованию, Таграта, приходит конец! – провозглашала брюнетка. – Я Зена, воительница из Западных Степей!” Тут в дверь постучали; я уменьшил звук.

На улице совсем стемнело. Ветер тихо раскачивал деревья, стряхивая с мокрых веток дождевые капли. В дверях стояла девушка североафриканского типа лет двадцати пяти. “Меня зовут Аиша, – сказала она. – Я убиралась у месье Рено два раза в неделю. Я пришла забрать вещи”.

“Что ж... – сказал я, – что ж...” И вместо приглашения войти чуть повел рукой. Она вошла, скользнула взглядом по экрану телевизора: воительницы теперь сражались врукопашную у самого кратера вулкана; некоторых лесбиянок подобное зрелище, наверное, возбуждает. “Извините, что беспокою, – сказала Аиша, – я на пять минут”.

“Вы меня не беспокоите, – ответил я, – меня на самом деле ничего не беспокоит”. Она покивала головой, словно бы что-то поняла, и посмотрела мне в лицо: должно быть, сравнивала с отцом и, возможно, пыталась через внешнее сходство уловить внутреннее. Через несколько секунд она развернулась и стала подниматься на второй этаж, где помещались спальни. “Не торопитесь, – проговорил я сдавленно, – сколько нужно, столько и оставайтесь...” Она не ответила, не замедлила шаг; может быть, она меня даже и не слышала. Я опустился на диван, обессиленный тем, как она меня разглядывала. Надо было предложить ей снять пальто; обычно, когда люди входят в дом, им предлагают снять пальто. В эту минуту я ощутил, что в комнате жуткий холод – влажный, пронизывающий, как в склепе. Включать котел я не умел, да и пробовать не хотелось; мне следовало уехать сразу после похорон. Я нажал третью кнопку и как раз успел к заключительному туру “Вопросов для чемпиона”. Когда Надеж из Валь-Фурре объявляла Жюльену Леперсу, что собирается побороться за чемпионское звание в четвертый раз, на лестнице появилась Аиша с легкой дорожной сумкой через плечо. Я выключил телевизор и быстро подошел к ней. “Жюльен Лепере меня восхищает, – сказал я. – Даже когда ему ничего не известно о городе или поселке, откуда кандидат родом, он исхитрится сказать несколько слов о департаменте, о районе, климат хотя бы приблизительно описать, природу. А главное, он знает жизнь: кандидаты для него обычные люди со своими трудностями и радостями. Ничто из того, что составляет их реальность, ему не чуждо и не враждебно. Он умеет разговорить любого без исключения, и тот расскажет вам о своей профессии, семье, о своих пристрастиях – словом, обо всем, что составляет его жизнь. Кандидаты у него, как правило, либо поют в хоре, либо играют в духовом оркестре, участвуют в организации местных праздников, занимаются разными благотворительными делами. В зале часто сидят их дети. Создается впечатление, что люди счастливы, и оттого сам чувствуешь себя счастливее и лучше. Вы не согласны?”

Она посмотрела на меня без тени улыбки; волосы у нее были забраны в пучок, лицо почти не накрашено, одета скорее строго – серьезная девушка. Она постояла в нерешительности, потом сказала тихим, хриловатым от робости голосом: “Мне очень нравился ваш отец”. Я не нашелся, что ответить: ее слова показались мне странными, но, вполне вероятно, искренними. Старик многое мог рассказать: он путешествовал, бывал в Колумбии, Кении или где-то там еще; носорогов в бинокль видел. При встречах он только иронизировал, что я, дескать, выбрал чиновничье благополучие. “Тепленькое местечко”, – приговаривал он, не скрывая презрения; с родственниками всегда сложно. “Я учусь на медсестру, – продолжила Аиша, – но, поскольку я ушла от родителей, мне приходится подрабатывать уборкой”. Я ломал голову в поисках подоба-

ющего ответа; может, следовало ее спросить, сколько стоит жилье в Шербуре? В итоге я предпочел сказать: “Н-да...”, стараясь звучать как человек, знающий жизнь. Похоже, ее это удовлетворило, и она направилась к двери. Я приник к окну и увидел, как ее “Фольксваген-Поло” разворачивается на глинистой дороге. На третьем канале шел телефильм из сельской жизни – надо думать, девятнадцатого века – с Чеки Карьо в роли батрака. Дочь хозяина – хозяина играл Жан-Пьер Марбель – в перерывах между занятиями фортепьяно позволяла себе некоторые вольности в общении с обольстительным поденщиком. Встречались они в хлеву; я уже погружался в сон, когда Чеки Карьо решительно сорвал с нее трусики из органзы. Последнее, что я увидел, – это как камера скользнула на сбившихся в кучку свиней.

Проснулся я от холода и боли; как видно, я лежал в неудобной позе и теперь не мог повернуть шею. Поднимаясь, я сильно закашлялся: в ледяном воздухе дыхание превращалось в стужку пара. К моему удивлению, по телевизору шла “Ловись, рыбка” – передача первого канала; стало быть, я просыпался или, по крайней мере, сознание мое прояснялось настолько, что я смог переключить программу – этого я напрочь не помнил. В передаче говорилось о сомах, гигантских рыбах без чешуи, которые из-за потепления климата все чаще встречаются в наших реках; особенно им нравится селиться вблизи атомных электростанций. Репортаж усиленно развеивал расхожие мифы: взрослые сомы и в самом деле достигают трех, а то и четырех метров в длину, в Дроме якобы даже были замечены особи, превышающие пять метров, – это все вполне правдоподобно. А вот хищными их считают совершенно ошибочно, и на купальщиков они никогда не нападают. Между тем укоренившиеся в народе предрассудки распространяются и на любителей сомовьего лова; обширное племя рыбаков с предубеждением относится к их малочисленному братству. Ловцы сомов болезненно это воспринимают и надеются, что передача изменит представление о них. Да, конечно, с точки зрения гастрономической похвастаться им нечем: мясо сома ни в каком виде не пригодно в пищу. Но зато какая великолепная рыбалка: сравнимая в некотором роде с ловлей щуки, она развивает в вас интеллектуальные и спортивные качества одновременно и потому заслуживает большего числа поклонников. Я прошелся по комнате, но нисколько не согрелся – о том, чтобы лечь в постель отца, не могло быть и речи. В конце концов я сходил на второй этаж за подушками и одеялами и, как мог, устроился на диванчике. На титрах к “Правде о сомах” я выключил телевизор. Стояла глубокая непроглядная ночь и такая же глубокая тишина.

2

Все когда-нибудь кончается, и ночь тоже. Из оцепенения, в котором я пребывал, подобно ящерице, меня вывел четкий звонкий голос капитана Шомона. Он извинялся, что не успел зайти накануне. Я предложил ему выпить кофе. Пока грелась вода, он раскрыл на кухонном столе ноутбук и подключил принтер. Таким образом, мои показания он сможет сразу распечатать и дать мне на подпись; я одобрительно крикнул. Жандармерия в наши дни перегружена административными хлопотами, и ей, увы, не хватает времени на исполнение своих первейших обязанностей – на уголовные расследования; такое впечатление я вынес из соответствующих телепередач. Он согласился, и даже с жаром. Одним словом, допрос начался в обстановке взаимопонимания и доверия. Радостно чирикнув, запустилась *Windows*.

Смерть наступила четырнадцатого ноября, поздно вечером или ночью. В тот день я был на работе, пятнадцатого тоже. Разумеется, я мог сесть в машину, приехать сюда, убить отца и в ту же ночь вернуться. Что я делал вечером и ночью четырнадцатого ноября? Да ничего вроде бы; ничего примечательного. Во всяком случае, мне ничего не запомнилось, а ведь и недели не прошло. У меня не было постоянной сексуальной партнерши, не было закадычных друзей – оттого и вспомнить нечего. День прошел, и ладно. Я сокрушенно взглянул на капитана Шомона: мне хотелось ему помочь, подсказать хотя бы направление поисков. “Сейчас посмотрю в записной книжке”, – засуетился я. Я не ожидал в ней что-нибудь увидеть, но, как ни странно, обнаружил записанный на четырнадцатое число номер мобильного телефона, а над ним имя: “Корали”. Какая еще Корали? Всякая ерунда понаписана.

– Голова совсем дырявая, – констатировал я, разочарованно улыбаясь. – Не знаю, может, я был на каком-нибудь вернисаже.

– На вернисаже? – Он терпеливо ждал, занеся пальцы над клавиатурой.

– Да, я работаю в Министерстве культуры. Готовлю документацию по финансированию выставок, иногда концертов.

– Концертов?

– Концертов... современного танца... – Я был близок к отчаянию, сгорал со стыда.

– Короче, работаете на культурном поприще.

– Ну да... Можно сказать и так.

Он смотрел на меня доброжелательно и немного серьезно. О существовании некоего культурного сектора он представлял, пусть смутное, но имел. По роду занятий Шомон встречался с самыми разными людьми, и никакие социальные слои не остались ему совсем уж чуждыми. Жандармы, они в известном смысле гуманисты.

Дальше беседа потекла по накатанному руслу; мне доводилось видеть нечто подобное по телевизору, и я чувствовал себя подготовленным к диалогу. Были ли у моего отца враги? Кажется, нет; о друзьях, по правде говоря, мне тоже ничего не известно. Что касается врагов, отец не такая *значительная* фигура, чтобы их иметь. Кому выгодна его смерть? Разве что мне. Когда я приезжал к нему в последний раз? Вероятно, в августе. В августе в министерстве делать особенно нечего, но коллеги вынуждены идти в отпуск из-за детей. Я же остаюсь на работе, раскладываю пасьянсы на компьютере, а числа пятнадцатого прибавляю денек-другой к выходным и в это время навещаю отца. Хорошие ли у нас были отношения? И да и нет. Скорее нет, но я ездил к нему раз или два в год – это уже неплохо.

Он кивнул. Судя по всему, дача показаний подходила к концу, а мне хотелось сказать еще что-нибудь. Я испытывал к капитану необъяснимую, безотчетную симпатию. Но он уже заправил бумагу в принтер. “Отец много занимался спортом!” – выпалил я. Капитан взглянул на меня выжидающе. “Нет, ничего, – пробормотал я, разводя руками от безысходности, – я

только хотел сказать, что он много занимался спортом”. Капитан Шомон досадливо отмахнулся и запустил печать.

Подписав показания, я проводил его до дверей. “Понимаю, что разочаровал вас как свидетель”, – сказал я ему. “Свидетели всегда разочаровывают”, – ответил он. Некоторое время я обдумывал этот афоризм. Перед нами лежали бесконечно унылые поля. Усаживаясь в свой “Пежо-305”, капитан Шомон пообещал сообщать о ходе расследования. В случае смерти родственников по прямой восходящей линии государственным служащим предоставляется трехдневный отпуск. Я вполне мог возвращаться не спеша, закупить здешних камамберов, но ничего такого делать не стал и выехал сразу на парижскую автомагистраль.

Оставшийся свободный день я ходил по турагентствам. Туристические каталоги нравились мне своей абстрактностью и умением сводить все места на свете к ограниченному набору счастливых мгновений и соответствующих расценок; система звездочек, обозначающих степень счастья, на которую вы вправе рассчитывать, представлялась мне подлинной находкой. Сам я не был счастлив, но счастье ценил высоко и все еще мечтал о нем. Английский экономист Маршалл представляет покупателя рациональным индивидом, стремящимся максимально удовлетворить свои потребности исходя из финансовых возможностей; Веблен анализирует воздействие социальной группы на процесс приобретения (с учетом того, желает ли индивид с этой группой идентифицироваться или, напротив, от нее отмежеваться). Коупленд показывает, что процесс покупки различается в зависимости от категории продукта или услуги (текущая покупка, запланированная покупка, целевая покупка); а вот из модели Бодрийяра – Беккера следует, что потребление само по себе есть производство знаков. В глубине души я чувствовал, что модель Маршалла мне ближе всего.

Вернувшись на работу, я заявил Мари-Жанне, что нуждаюсь в отпуске. Мари-Жанна – это моя коллега, мы вместе готовим документацию к выставкам, вкалываем на благо современной культуры. Ей тридцать пять лет, у нее прямые светлые волосы и бледно-голубые глаза; о ее личной жизни мне ничего не известно. На служебной лестнице она стоит чуть выше меня, но предпочитает этого не показывать и всячески подчеркивает, что в своем отделе мы работаем сообща. Если нам случается принимать по-настоящему важную персону – представителя Управления изобразительных искусств или члена кабинета министров, – она никогда не забывает упомянуть, что у нас единая команда. “А вот и самый главный человек в нашем отделе! – произносит она, заходя ко мне в кабинет. – Он жонглирует цифрами и сметами... Без него я как без рук”. И смеется; важные посетители тоже смеются, по крайней мере, счастливо улыбаются. Улыбаюсь и я – уж как умею. Пытаюсь вообразить себя жонглером; но на самом деле тут достаточно владеть простыми арифметическими действиями. Хотя Мари-Жанна, строго говоря, не делает ничего, ее работа сложнее моей: ей необходимо всегда быть в курсе новейших течений, движений, тенденций; взвалив на свои плечи бремя ответственности за культурный процесс, она ежеминутно рискует, что ее заподозрят в косности или даже обскурантизме; ограждая себя от подобной напасти, она тем самым оберегает и наше учреждение. Поэтому она постоянно поддерживает контакты с художниками, галерейщиками и редакторами журналов, о которых я понятия не имею; телефонные разговоры с ними наполняют ее радостью, ведь современное искусство она любит искренне. Сам я тоже ничего против него не имею: я не из тех, кто ставит *ремесло* превыше всего и жаждет возврата к традиционной живописи; я веду себя сдержанно, как и подобает человеку, чья профессия – управленческий учет. Вопросы эстетики и политики – это не мое дело; не моя забота вырабатывать и утверждать новые концепции, новое отношение к миру; я завязал с этим еще в ту пору, когда моя спина начинала горбиться, а лицо – грустнеть. Я насмотрелся выставок, вернисажей и выдающихся перформансов и пришел к окончательному заключению: искусство не может изменить жизнь. Мою уж точно нет.

Я сообщил Мари-Жанне о своем горе; она встретила меня сочувственно, даже руку на плечо положила. Мою просьбу об отпуске сочла естественной. “Тебе необходимо подвести итоги, Мишель, – рассудила она, – заглянуть в себя”. Я попытался представить себе, как я буду это делать, и подумал, что она, скорее всего, права. “Проект бюджета dokonчит Сесилия, – продолжила она, – я с ней поговорю”.

О чем она вообще и какая такая Сесилия? Я огляделся по сторонам, увидел эскиз афиши и вспомнил. Сесилия была толстая рыжая девица, беспрестанно поедавшая шоколад “Кэдбери” и работавшая у нас всего месяца два – то ли по временному соглашению, то ли вообще по программе трудоустройства безработных, короче – мелкая сошка. А известие о смерти отца, действительно, застало меня за подготовкой бюджета выставки “Руки вверх, проказники!”, которая должна была открыться в январе в Бур-ла-Рен. Речь шла о заснятых при помощи телеобъектива зверствах полицейских в департаменте Ивелин; однако зрителям предлагались не просто фотодокументы, а некая пространственная, так сказать, театрализованная композиция, к тому же полная намеков на различные сериалы о полиции Лос-Анджелеса. Обычному в таких случаях социальному обличению автор предпочел пародию. Словом, любопытный замысел, притом не слишком дорогой и не слишком сложный; даже такая бестолочь, как Сесилия, вполне могла справиться с проектом бюджета.

Обычно после работы я отправлялся на пип-шоу. Это обходилось мне в пятьдесят франков, иногда в семьдесят, если я долго не мог кончить. Крутящиеся киски хорошо прочищают мозги. Противоречивые тенденции в современном видеоарте, баланс между бережным отношением к культурной традиции и поощрением новаторства... – все это мигом улетучивалось из головы под воздействием примитивной магии крутящихся киск, и я спокойненько опорожнял свои яички. Сесилия же в это время лопала шоколадные пирожные в ближайшей к министерству кондитерской; мотивировки у нас были весьма схожие.

Отдельный кабинет за пятьсот франков я брал редко, только в тех случаях, когда мой дружок совсем сникал, когда я ощущал его капризным, никчемным придатком, вдобавок пахнущим сыром; в такие дни мне требовалось, чтобы девушка взяла его в руки, повосхищалась, пусть неискренне, его мощью и богатством семени. Так или иначе, я возвращался домой не позднее половины восьмого. Перво-наперво смотрел “Вопросы для чемпиона”, автоматически записывавшиеся на видео, затем переходил к новостям. Ситуация с коровьим бешенством меня мало беспокоила – питался я в основном пюре “Муслин” с сыром. Вечер шел своим чередом. Когда имеешь сто двадцать восемь каналов, скучать не приходится. Заканчивал я часам к двум турецкой музыкальной комедией.

Несколько дней я прожил относительно тихо, а потом мне снова позвонил капитан Шомон. Оказалось, дела продвинулись, и предполагаемый убийца найден; собственно, уже и не предполагаемый: он сознался. Через два дня они намеревались провести следственный эксперимент. Желаю ли я на нем присутствовать? Да, разумеется, ответил я.

Мари-Жанна одобрила мое мужественное решение, сказала что-то об испытании горем и загадке наследственных связей; она произносила подходящие случаю слова, запас которых невелик, но это и не важно: я чувствовал в них искреннюю теплоту, что было удивительно, но приятно. До чего же все-таки женщины чувствительны, думал я, садясь в поезд на Шербур, они даже на службе стремятся установить сердечные отношения, им трудно существовать в мире, лишенном эмоций, они в нем чахнут. В этом их слабость и причина многих неприятностей, недаром психологические странички “Мари-Клер” твердят об одном и том же: необходимо четко разграничивать работу и эмоции; только женщинам это плохо удастся, о чем с не меньшим постоянством свидетельствуют документальные страницы того же журнала. Когда миновали Руан, я стал перебирать в уме подробности дела. Большое открытие капитана Шомона заключалось в том, что Аиша имела “интимные отношения” с моим отцом. Как часто

и насколько интимные? Этого он не знал, но для дальнейшего расследования оно и не понадобилось. Один из братьев Аиши признался вскоре, что пришел к отцу и “потребовал объяснений”, но разговор принял дурной оборот; потом он ушел, а старик остался лежать на бетонном полу котельной “как неживой”.

Следственным экспериментом руководил суровый сухонький человечек во фланелевых брюках и темном поло, с лица которого не сходила раздраженная усмешка; но капитан Шомон сразу отобрал у него бразды правления. Живой, подвижный, он встречал участников, находил приветливое слово для каждого, разводил всех по местам; он прямо-таки лучился счастьем. Первое же свое дело об убийстве он раскрыл менее чем за неделю; в этой жуткой и банальной истории он оказался единственным героем. Аиша сидела на стуле сникшая, удрученная, с черной повязкой на голове; она едва взглянула на меня, когда я вошел; в сторону брата она подчеркнуто не смотрела. Тот стоял между двух жандармов, уперев взгляд в пол. Безмозглое животное – я не испытывал к нему ни малейшего сочувствия. Он поднял голову, встретился со мной взглядом и наверняка понял, кто я. Надо думать, его предупредили о моем приезде: по его примитивному разумению, я имел право ему отомстить, отплатить за кровь отца. Между нами установилась особого рода связь; сознавая это, я смотрел ему в лицо, не отводя глаз; я медленно проникался ненавистью, и от этого приятного и сильного чувства мне становилось легче дышать. Будь я вооружен, я бы его прикончил не раздумывая. Убийство подобной гадины не просто казалось мне чем-то естественным, но представлялось поступком положительным, благотворным. Жандарм начертил мелом отметки на полу, и эксперимент начался. По словам обвиняемого, все произошло очень просто: во время разговора он погорячился и резко толкнул отца; тот упал навзничь и раскроил себе череп об пол; сам же он испугался и убежал.

Разумеется, он лгал, и капитан Шомон без труда вывел его на чистую воду. Осмотр черепа убедительно доказывал, что жертва подверглась побоям; судя по количеству кровоподтеков, отца жестоко били ногами. Вдобавок его возили лицом по полу так, что один глаз почти вылез из орбиты. “Не помню, – сказал обвиняемый, – я был не в себе”. Глядя на его жилистые руки и узкое злобное лицо, всякий охотно в это верил; он действовал непредумышленно: когда отец ударился головой об пол, впал в бешенство от вида крови. Простая и убедительная система защиты: он выкрутится на суде, получит несколько лет условно, не более того. Капитан Шомон, удовлетворенный результатами дня, готовился подвести итоги. Я поднялся со стула, подошел к окну. Вечерело, брели на ночлег овцы. Они тоже тупые, может, еще тупее, чем брат Аиши, но в генах у них агрессивная реакция не запрограммирована. В свой последний вечер они заблеют от страха, у них учащенно забьется сердце, ноги отчаянно задергаются; потом грянет выстрел, жизнь улетучится, а тело превратится в мясо. Мы пожали друг другу руки и расстались; капитан Шомон поблагодарил меня за то, что я приехал.

Назавтра я встретился с Аишей: агент по недвижимости посоветовал мне произвести в доме полную уборку, прежде чем его придут смотреть первые покупатели. Я передал ей ключи, затем она отвезла меня в Шербур – на вокзал. К полям уже подбиралась зима, над изгородями висели клубы тумана. В машине чувствовалось напряжение. Аиша знала, как выглядят половые органы моего отца, что порождало между нами совершенно неуместную близость. Поражительная, в общем-то, история: серьезная с виду девушка, да и отец менее всего походил на соблазнителя. Значит, он все-таки обладал некими привлекательными чертами, которые я не сумел разглядеть; в сущности, я и лица-то его не мог как следует вспомнить. Мужчины живут и друг друга не видят, ходят бок о бок, как коровы в стаде; в лучшем случае бутылку порой вместе разопьют.

“Фольксваген” Аиши остановился на вокзальной площади; понимая, что на прощание надо бы сказать какие-то слова, я протянул: “Н-да...” Прошло еще несколько секунд, потом она заговорила глухим голосом: “Я уеду отсюда. Один знакомый может устроить меня подавальщицей в Париже; продолжу учебу там. Все равно в семье меня считают шлюхой”. Я понима-

юще помычал. “В Париже больше народу”, – выдавил я наконец, словно сквозь боль. Сколько ни напрягался, ничего другого о Париже придумать не смог. Убожество реплики ее не смутило. “Дома меня ничего хорошего не ждет, – продолжала она, сдерживая злость. – Мало того, что они нищие, так еще и кретины. Отец два года назад совершил паломничество в Мекку, и с тех пор с ним говорить невозможно. А братья – того хуже: один другого тупее, только и знают что хлещут пастис и воображают себя при этом носителями истинной веры; меня же обзывают стервой, потому что я предпочитаю работать, все лучше, чем выйти за такого же, как они, идиота”.

“Да, мусульмане, они вообще-то не очень...” – тут я замялся. Потом взял сумку и открыл дверцу. “Думаю, у вас все наладится”, – пробормотал я не слишком уверенно. В эту минуту миграционные потоки представились мне кровеносными сосудами, пронизывающими Европу, а мусульмане – медленно рассасывающимися сгустками крови. Аиша смотрела на меня с сомнением. В раскрытую дверцу врвался холод. Умозрительно я мог испытать некое влечение к влагилишу мусульманки. Я улыбнулся немного натянуто. Она в ответ улыбнулась более искренне. Я неторопливо пожал ей руку, ощутил тепло ее пальцев, почувствовал напоследок, как бьется жилка на запястье. Отойдя на несколько метров от машины, я обернулся и помахал Аише на прощанье. Все-таки у нас была встреча, и под конец что-то все-таки получилось.

Устраиваясь в комфортабельном вагоне фирменного поезда, я подумал, что должен был дать ей денег. Хотя нет, она могла бы меня неправильно понять. И как ни странно, только в эту минуту до меня дошло, что я теперь стану богатым; ну, относительно богатым. Перевод денег с отцовских счетов уже состоялся. Продажу автомобиля я доверил автомеханику, продажу дома – агенту по недвижимости; все устроилось само собой. Стоимость имущества определялась законами рынка. Разумеется, какая-то возможность торга оставалась: десять процентов в ту и другую сторону, не больше. Ставка налогообложения тоже тайны не составляла, достаточно было заглянуть в прекрасно изданные брошюры, которые распространяет налоговая служба.

Отец наверняка не раз подумывал лишить меня наследства, но в конце концов решил, видать, что хлопот много и неизвестно еще, чем они увенчаются (лишить детей наследства непросто, закон сводит возможности к минимуму: маленькие мерзавцы не только отравляют вам жизнь, но еще и получают потом все, что вы накопили ценой изнурительных усилий). А главное, быть может, говорил он себе, все бессмысленно, и какое ему дело до того, что случится после его смерти. Полагаю, он примерно так рассуждал. Теперь старый дурак помер, и мне предстоит продать дом, где он провел последние годы, а также “Тойоту-Ленд-Крузер”, на которой он привозил упаковки воды “Эвиан” из шербурского гипермаркета. Сам я живу возле Ботанического сада и, зачем мне “Тойота-Ленд-Крузер”, не знаю. Разве что привозить радиолы с рынка на улице Муффтар. В случае прямого наследования налоги невелики, даже если родственные узы были не слишком крепкими. После всех выплат у меня останется миллиона три – около пятнадцати моих годовых зарплат. Приблизительно за такую сумму неквалифицированный рабочий в Западной Европе вкалывает в течение всей трудовой жизни; словом, деньги немалые. Можно зажить по-человечески; хотя бы попробовать.

Через несколько недель я непременно получу письмо из банка. Поезд подъезжал к Байё, я уже представлял себе, как сложится разговор. Сотрудник филиала констатирует большой положительный баланс на моем счету и попросит уделить ему несколько минут – рано или поздно любому человеку может понадобиться *инвестиционный советник*. Я отнесусь к его предложению настороженно, скажу, что хотел бы вложить деньги самым надежным способом; он выслушает мой ответ – ответ типичный – с легкой улыбкой. Ему прекрасно известно, что новички в большинстве своем предпочитают надежность прибыльности; он с коллегами частенько над этим посмеивается. Мне следует правильно понять его: в вопросах распоряжения имуществом и вполне зрелые люди ведут себя как сущие новички. Он, со своей стороны, желал бы привлечь мое внимание к несколько иному сценарию, оставив мне, разумеется, время на размышление.

Почему бы, в самом деле, не вложить две трети состояния под незначительные, но гарантированные проценты? И почему не инвестировать оставшуюся треть более рискованным образом, но с возможностью реального увеличения капитала? Я знал, что, поразмыслив несколько дней, соглашусь с его доводами. Ободренный моим согласием, он с неподдельным воодушевлением возьмется за подготовку документов; на прощанье мы с жаром пожмем друг другу руки...

Я жил в стране умеренного социализма, где обладание материальными благами неукоснительно охраняется законом, а банковская система защищена могущественными государственными гарантиями. Мне не грозили ни растрата, ни злостное банкротство, если, конечно, я не стану выходить за рамки законности. Короче, мне больше не о чем было особенно беспокоиться. Впрочем, я и прежде ни о чем особенно не беспокоился: учился серьезно, хотя блистать не блистал, по окончании института сразу устроился в государственный сектор. Это было в начале восьмидесятых, в эпоху модернизации социализма, когда руководимая незабвенным Жаком Лангом¹ культура купалась в роскоши и славе; при приеме на работу мне положили весьма приличную зарплату. А потом я состарился, наблюдая без волнения за чередой политических перемен. Я всегда держался вежливо и учтиво, меня ценили коллеги и начальство, однако темпераментом я обладал сдержанным и обзавестись настоящими друзьями не сумел. На Лизьё и окрестности стремительно опускалась ночь. Почему я никогда не отдавался работе страстно, как Мари-Жанна? Почему я вообще ничего в жизни не делал со страстью?

Последующие несколько недель не принесли мне ответа, а утром двадцать третьего декабря я взял такси и отправился в аэропорт.

---

¹ Жак Ланг — министр культуры Франции (1981–1986 и 1988–1993).

3

И вот теперь я как дурак стоял один в нескольких метрах от окошечка “Нувель фронтьер”. Субботнее утро, праздники; аэропорт Руасси, естественно, битком набит. Жители Западной Европы, как только выдается у них несколько свободных дней, разом устремляются на другой конец света, облетают пол земного шара – словом, ведут себя так, будто из тюрьмы сбежали. Я их не осуждаю; я сам собираюсь поступить точно так же.

Мои мечты банальны. Как и прочих европейцев, меня тянет *путешествовать*. Занятие это сопряжено с трудностями: языковой барьер, плохая организация общественного транспорта, страх, что тебя облапошат или обкрадут: если называть вещи своими именами, меня тянет *заниматься туризмом*. Мечты уж какие есть, такие есть; по мне, лучше всего было бы постоянно чередовать “Увлекательные маршруты”, “Красочный отдых” и “Наслаждения на выбор”, обозначенные в названиях трех каталогов “Нувель фронтьер”.

Я остановился на “Увлекательных маршрутах”, но еще долго колебался между “Ромом и сальсой” (маршрут CUB CO 033, 16 дней 114 ночей, проживание в двухместном номере 11250 фр., доплата за одноместный 1350 фр.) и “Тропиком Тай” (маршрут TNA CA обб, 15 дней / 13 ночей, проживание в двухместном номере 9950 фр., доплата за одноместный 1175 фр.). Вообще-то Таиланд привлекал меня больше, но и Куба имела свои преимущества как одна из последних стран, где сохранилось коммунистическое правление, причем, скорее всего, ненадолго: в отживающем режиме есть некая политическая экзотика. В конце концов я все-таки выбрал Таиланд. Надо признать, что неискушенному человеку трудно устоять перед умело составленным текстом рекламной брошюры:

Организованный маршрут с капелькой приключений: от бамбуковых зарослей на реке Квай к острову Самуй и далее – через неподобный перешеек Кра к островам Пхукет и Пхи-Пхи. Время прохлаждаться в жарких тропиках.

Ровно в восемь тридцать утра Жак Майо, хлопнув дверью своего дома на бульваре Бланки в XIII округе, садится на мотороллер и пересекает Париж с востока на запад. Конечная цель: офис “Нувель фронтьер” на бульваре Гренель. Раз в два дня моторизованный хозяин “Нувель фронтьер” в неизменном фантастически пестром галстуке наведывается в три-четыре своих агентства: “Привожу свежие каталоги, забираю почту, проверяю, так сказать, температуру”, – поясняет он. Визиты эти подстегивают работников: “В последующие дни агентства увеличат оборот”, – говорит Майо с улыбкой. Очарованная им журналистка из “Капитала” в своей статье не скрывает удивления: кто мог предвидеть в 1967 году, что основанную кучкой оппозиционных студентов маленькую ассоциацию ждет такой взлет? Конечно, не толпы демонстрантов, проходивших в мае 68-го мимо первой конторы “Нувель фронтьер” на площади Данфер-Рошро в Париже. “Мы оказались в нужном месте – прямо перед телекамерами”, – вспоминает Жак Майо, в прошлом бойскаут, левый католик и член Национального студенческого союза. Такой получилась первая рекламная акция фирмы, название которой позаимствовали из речи Джона Кеннеди о “новых рубежах” Америки.

Будучи убежденным либералом, Жак Майо в свое время успешно боролся против “Эр Франс” за монополизацию воздушного транспорта. Экономические журналы пристально следили за развитием его компании, ставшей за тридцать с небольшим лет крупнейшей в туристическом бизнесе Франции. “Нувель фронтьер”, родившаяся одновременно с цивилизацией досуга, олицетворяла, вместе с FNAS и *Club Med*, новое лицо современного капитализма. В 2000 году индустрия туризма впервые вышла на первое место по обороту, опередив все другие отрасли мировой экономики. Избранный мною маршрут “Тропик Тай”, хотя и не требовал

специальной физической подготовки, принадлежал к разряду “приключенческих” и предлагал различные варианты проживания (простое, стандартное, первой категории); число участников ограничивалось двадцатью, дабы обеспечить сплоченность коллектива. К окошечку подошли две очаровательные негритянки с рюкзаками за спиной, и я стал надеяться, что они тоже выбрали “Тропик Тай”; с тем я опустил глаза и пошел получать билет и путевку. Перелет продолжался немногим более одиннадцати часов.

В наши дни путешествовать на самолете любой компании, независимо от направления, – значит подвергаться бесчисленным унижениям в течение всего полета. Вы вынуждены сидеть, скрючившись на смехотворно маленьком пространстве, откуда невозможно выбраться, не потревожив соседей по ряду, а стюардессы с фальшивыми улыбками сразу огорошивают вас чередой запретов. Когда вы еще только ступили на борт самолета, первое, что они сделают, – завладеют вашими личными вещами и запихнут их на багажные полки: теперь вы ни под каким предлогом не получите их до самого приземления. Девушки эти будут придираться к вам всю дорогу, запрещать всякое передвижение и вообще какое-либо действие, кроме предписанных распорядком: дегустация газировок, просмотр американских видеофильмов, покупка товаров *duty-free*. Постоянное ощущение опасности подпитывается проносющимися в уме картинами авиакатастроф, а вынужденная неподвижность в замкнутом пространстве вызывает сильнейшие стрессы: во время некоторых дальних перелетов были даже случаи смерти пассажиров от сердечного приступа. Экипаж со своей стороны исхитряется доводить стрессовое состояние до критической точки, не позволяя вам бороться с ним привычными средствами: вам не дают курить, читать, а в последнее время все чаще и чаще – пить. Хорошо еще, эти мерзавки вас не *обыскивают*, а потому, как опытный пассажир, я смог запастись необходимым для выживания набором: таблетки *Nicopatch* по двадцать одному миллиграмму, пачка снотворного, бутылочка “Южного комфорта”. Когда мы пролетали над бывшей Восточной Германией, я забылся глубоким сном.

Меня разбудило ощущение тяжести на плече и чье-то жаркое дыхание. Без лишних церемоний я водворил своего соседа слева на место, он тихо заворчал, но глаз не открыл. Это был могучий детина лет тридцати с остриженными под горшок светло-каштановыми волосами; наружность его не показалась мне неприятной или нахальной. Было даже что-то трогательное в том, как он закутался в предоставленное авиакомпанией нежно-голубое одеяло, положив на колени свои мозолистые ручищи. Я подобрал с полу книжонку, которую он уронил: паршивый английский бестселлер некоего Фредерика Форсайта. Я читал одно творение этого кретина, сплошь состоящее из дифирамбов Маргарет Тэтчер и страшилок о Советском Союзе, именуемом *империей зла*. Интересно, чем пробавляется он теперь, после падения берлинской стены. Я полистал новейший опус: похоже, роль злодеев отводилась здесь всяким *красно-коричневым* и сербским националистам – человек шагал в ногу со временем. Что касается его любимого героя, зануды Джейсона Монка, то он вернулся на службу в ЦРУ, заключившим временный союз с чеченской мафией. Ну и ну, подумал я, кладя романчик соседу на колени, хорошеньких же нравственных принципов придерживаются популярные авторы, пишущие на английском! В качестве закладки сосед использовал сложенный втрое листок бумаги, в котором я узнал путевку “Нувель фронтьер” – итак, я познакомился с первым своим попутчиком. Он мне нравился: славный парень и наверняка куда менее эгоцентричный и нервный, чем я. Я взглянул на экран, где сообщались сведения о полете: вероятно, мы уже миновали Чечню, если вообще над ней пролетали; температура за бортом – минус 53 °С, высота полета – 10 143 метра, местное время – 00:27. Потом цифры на экране сменились картой: мы вошли в воздушное пространство Афганистана. За окном, разумеется, ничего, кроме тьмы крошечной. В любом случае талибы, наверное, уже спали, маринуясь в своей грязи. “Спокойной ночи, талибы, спокойной ночи... Хороших вам снов...” – пробормотал я и проглотил вторую таблетку снотворного.

4

Самолет приземлился около пяти утра в аэропорту Донг-Мыанг. Я с трудом продрал глаза. Мой сосед слева уже встал и топтался в очереди на выход. В коридоре по дороге в зал прибытия я быстро потерял его из виду. Ноги у меня были ватные, язык не ворочался, в ушах стоял отчаянный гул.

Едва автоматические двери выпустили меня наружу, я словно попал в чей-то большой жаркий рот. Градусов тридцать пять, не меньше. Жара в Бангкоке особенная, *масляная*, наверное, из-за сильно загрязненного воздуха; проведя некоторое время на улице, вы каждый раз удивляетесь, что не покрыты тонкой пленкой гари. Первые тридцать секунд я не мог дышать. Я старался не отстать от нашей сопровождающей, которую и разглядеть как следует не успел, заметил только, что она сдержанна и воспитанна – впрочем, многие тайки производят именно такое впечатление. Рюкзак фирмы “Лау Про Гималайя Треккинг” резал мне плечи – это был самый дорогой, какой я смог найти в “Бывалом туристе”: с пожизненной гарантией. Внушительная штука: стального цвета, с карабинами, особыми фирменными липучками, молниями, функционирующими при температуре минус 65 °С. Содержимое его, увы, было куда скромней: несколько пар шорт, несколько футболок, плавки, специальные ботинки для ходьбы по кораллам (125 фр. в “Бывалом туристе”), несессер со всеми необходимыми лекарствами, какие рекомендует путеводитель “Рутар”, портативная видеокамера JVC HRD-9600 MS с батареями и запасными кассетами и два американских бестселлера, купленных в аэропорту наугад.

Автобус “Нувель фронтьер” стоял метрах в ста от входа. Внутри могучего шестидесяти-четырехместного “Мерседеса М-800” в полную силу работали кондиционеры – входя в него, вы словно попадали в морозильную камеру. Я устроился у окна слева, в середине салона: я видел еще десяток пассажиров, в том числе и соседа по самолету. Рядом со мной никто не сел – похоже, свою первую возможность слиться с коллективом я упустил, зато приобрел все шансы схлопотать хорошенький насморк.

Еще не рассвело, но все шесть рядов автомагистрали, ведущей в Бангкок, уже были запружены автомобилями. По обочинам высотки из стекла и стали чередовались кое-где с массивными бетонными сооружениями в духе советской архитектуры. Банки, отели, офисы компаний, продающих электротехнику, преимущественно японскую. После поворота на Чату-чак магистраль вознеслась над сетью дорог, опоясывающих центр города. На пустырях между светящимися отелями глаз начинал различать скопления домишек, крытых железом. В освещенных неонам ларьках на колесах предлагали суп и рис, дымились жестяные котелки. При выезде на Нью-Петчабури-роуд автобус слегка сбавил скорость. Мы увидели фантазмагорические очертания дорожной развязки, асфальтовые спирали которой, озаренные рядами прожекторов из аэропорта, казалось, висели в небе; описав длинную дугу, автобус снова выехал на скоростную магистраль.

Бангкокский “Палас отель” принадлежал к сети гостиниц, близких к компании “Меркурий”, и придерживался тех же принципов в отношении питания и качества обслуживания – все это я почерпнул из брошюры, которую подобрал в холле, ожидая, пока ситуация немного прояснится. Было начало седьмого утра – полночь в Париже, подумалось мне без всякой связи, – но вокруг уже царил оживление и ресторан открылся для завтрака. Я сел на банкетку, у меня по-прежнему кружилась голова, адски шумело в ушах, и к тому же начинало подташнивать. По выжидательным позам некоторых людей я угадал в них членов нашей группы. Тут были две девицы лет по двадцать пять, такие *фифочки*, впрочем, неплохо сложенные и смотревшие на все с презрением. В отличие от них чета пенсионеров – он из породы *живчиков*, она поунылее – с восхищением взирала на внутреннее убранство отеля, состоящее из зеркал, позолоты

и люстр. В первые часы жизни коллектива общение в нем носит, как правило, *фатический* характер, то есть сводится к *установлению контактов*; этой стадии свойственны употребление банальных фраз и слабая эмоциональная вовлеченность. Как утверждают Эдмундс и Уайт², формирование мини-групп отчетливо заметно лишь на первой экскурсии или во время первого совместного приема пищи.

Я вздрогнул, чувствуя, что теряю сознание; чтобы как-то приободриться, закурил: снотворное оказалось слишком сильным, я от него был сам не свой; впрочем, мои предыдущие перестали на меня действовать – положение складывалось безвыходное. Чета пенсионеров топталась на месте, медленно поворачиваясь по кругу, супруг, как по мне, слегка хорохорился; не находя, кому бы конкретно улыбнуться, они обводили улыбкой весь окружающий мир. В прежней жизни они, наверно, были мелкими торговцами – ничего другого не придумаешь. Услышав свое имя, члены нашей группы поочередно подходили к сопровождающей, получали ключи, поднимались в номера – словом, рассеивались. Мы могли позавтракать прямо сейчас, напоминала тайка звонким поставленным голосом, могли отдохнуть – по желанию. Так или иначе, в четырнадцать часов – прогулка по *кхлонгам*³, встреча в холле.

Широкое окно моего номера выходило на скоростную магистраль. В половине седьмого утра движение по ней было интенсивным, однако сквозь двойное стекло до меня доносился только слабый гул. Фонари уже погасли, а сталь и стекло еще не засверкали дневным солнцем – город сейчас был равномерно сер. Я заказал дежурному двойной эспresso и заглотал его с эффералганом, долипраном и двойной дозой оциллококцинума, затем лег и попытался закрыть глаза.

Неясные формы с назойливым жужжанием медленно двигались в замкнутом пространстве; может, это были землеройные машины, а может, гигантские насекомые. Поодаль стоял человек в белом тюрбане и белых шароварах; в руках он держал короткую турецкую саблю и с большой осторожностью проверял остроту клинка. Вдруг воздух сделался красным и вязким, почти жидким; прямо перед глазами у меня потекли капельки конденсата, и я понял, что вижу всю сцену через стекло. Человек лежал теперь на земле, придавленный невидимой силой. Машины – несколько экскаваторов и маленький гусеничный бульдозер – сгрудились вокруг него. Экскаваторы дружно взмахнули шарнирными лапами и разом обрушили ковши на человека, разрубив его тело на семь или восемь частей; голова же дьявольским образом продолжала жить, бородастое лицо кривилось недоброй усмешкой. Тогда вперед подался бульдозер и раздавил ее, как яйцо; мозг вперемешку с раздробленными костями брызнул на стекло в нескольких сантиметрах от моего лица.

² Sightseeing Tours: a sociological approach, *Annals of Tourism Research*, vol. 23, p. 213–227, 1998. (Прим, авт.)

³ *Кхлонги* — улицы-каналы в Бангкоке и некоторых других городах Таиланда.

5

Туризм – как поиск смысла – с характерным для него игровым общением и образами, которые он порождает, есть способ постепенного кодированного и нетравмирующего постижения внешней чужеродной реальности.

Рашид Амиру

Проснулся я около полудня, в комнате глухо жужжал кондиционер, голова болела немного меньше. Лежа поперек широченной кровати *king size*, я думал о предстоящем маршруте и о том, как все сложится. Бесформенная пока еще группа превратится в живое человеческое сообщество; сегодня во второй половине дня мне надо будет начать определяться, а прямо сейчас уже выбрать шорты для прогулки по кхлонгам. Я остановился на модели из синей джинсовой ткани, средней длины, не слишком облегающей, и футболке *Radiohead*; затем сунул в рюкзак кое-какие вещицы. В ванной я с отвращением осмотрел свое отражение в зеркале: натянутое, скованное лицо бюрократа трагически контрастировало с выбранной одеждой; я выглядел ровно тем, кем был на самом деле: сорокалетним чиновником, на период каникул рядящимся под юнца. Тьфу! Я подошел к окну и раздвинул шторы. С двадцать седьмого этажа открывался поразительный вид. Налево меловой скалой, разлинованной черными горизонтальными полосками окон, наполовину скрытых балконами, высилась громада отеля “Мариотт”. Солнце стояло в зените, контрастно подчеркивая плоскости и грани. Прямо передо мной сверкало бесчисленными бликами хитроумное сооружение из конусов и пирамид голубоватого стекла. На горизонте ярусами ступенчатой пирамиды громоздились гигантские бетонные кубы отеля “Гран Плаза Президент”. Справа, за трепещущей зеленой гладью парка Лумпхини, выступали, словно части охряной цитадели, угловые башни “Дусит Тхани”. И сверху – идеально голубое небо. Я медленно выпил “Сингха Голд”, размышляя о том, что все уходит безвозвратно.

Внизу в холле сопровождающая проводила перекличку, раздавая талоны на завтрак. Так я узнал, что двух вертихвосток зовут Бабетт и Леа. У Бабетт были светлые выющиеся волосы: не то чтобы выющиеся от природы – скорее *завитые*; еще у мерзавки была красивая грудь, отчетливо видная сквозь прозрачную ткань блузки с этническим принтом, полагаю, от “Труа Сюис”. Брюки той же материи отличались такой же прозрачностью, сквозь них отчетливо просвечивали белые кружева трусиков. У черноволосой, тоненькой, как нитка, Леа плоская грудь компенсировалась выпуклостью ягодиц, подчеркнутой черными велосипедками, и агрессивно торчащими под канареечным топом сосками. На щелке пупка блестел малюсенький бриллиант. Я внимательно изучил обеих шлюшек с тем, чтобы позабыть о них навсегда.

Раздача талонов продолжалась. Сон – так звали гидшу – выкликала всех по именам, меня от этого с души воротило. Твою мать, мы ж не в детском саду. Я было обрадовался, когда она назвала пенсионеров по фамилии: “месье и мадам Лоближуа”, однако она тут же с лучезарной улыбкой добавила: “Жозетт и Рене”. Невероятно, но факт. “Меня зовут Рене”, – подтвердил супруг, не обращая ни к кому конкретно. “Вот не повезло”, – буркнул я. Жена бросила на него усталый взгляд, который следовало понимать как: “Замолчи, Рене, ты всех раздражаешь”. Я вдруг сообразил, кого он мне напоминает: господина Плюса из рекламы печенья “Бальзен”. Может, это он и был? Я обратился к его жене: не доводилось ли им в прошлом сниматься на вторых ролях? Нет, никогда; оказалось, они колбасники. Да, похоже, между прочим. Итак, весельчак наш держал некогда колбасную лавку (в Кламаре, уточнила супруга), скромный магазинчик, где отовариваются лишь бедняки, перед которыми он и щеголял своими пируэтами и остротами.

Затем следовали еще две супружеские пары, невыразительные внешне и, вероятно, как-то связанные между собой. Может, уже отдыхали вместе? Или познакомились за *брекфастом*? На этой стадии путешествия не разберешь. Первая пара была наиболее несимпатичной. Супруг слегка напоминал Антуана Вештера⁴ в молодости, если такое можно вообразить, но только шатен и с аккуратно подстриженной бородкой; в сущности, он напоминал не столько Антуана Вештера, сколько Робин Гуда, хотя чувствовалось в нем и что-то швейцарское или, вернее сказать, что-то отсылающее к Юрскому региону. Одним словом, никого он не напоминал – просто обыкновенный кретин. Не говоря уже о жене: серьезная, в комбинезончике, добропорядочная молочница. Наверняка эти двое уже произвели на свет себе подобных, подумал я; оставили, небось, ребеночка у бабушки с дедушкой где-нибудь в Лон-ле-Сонье. Вторая пара, постарше, не производила столь глубокого впечатления безмятежности. Он, тощий, уса́тый, нервный, представился мне как натуропат и, видя мое невежество, пояснил, что врачует травами и другими натуральными, по возможности, средствами. Она, невысокая, сухонькая, работала в социальной сфере, занималась в Эльзасе трудоустройством лиц, имеющих судимость; вид у обоих был такой, будто они не трахались уже лет тридцать. Супруг, похоже, расположился побеседовать со мной о пользе натуральных препаратов; почувствовав, что не вынесу продолжения разговора, я отошел и присел на ближайшую банкетку. Отсюда мне были не слишком хорошо видны оставшиеся участники группы, наполовину скрытые за четой колбасников; мужчина по имени Робер – пятидесятилетний жлоб с необъяснимо суровым выражением глаз; затем женщина таких же лет с обрамленным черными кудрями недобрым, умным и одновременно вялым лицом – она звалась Жозианой; и, наконец, женщина помоложе, лет двадцати семи, не больше, незаметная – она с собачьей покорностью следовала за Жозианой и именовалась Валери. Ладно, разберемся по ходу дела, время есть, мрачно бухтел я себе под нос по дороге к автобусу. Я заметил, что Сон, не отрываясь, смотрит на список пассажиров. Лицо ее напряглось, губы непроизвольно шептали какие-то слова, в них угадывалось смятение, чуть ли не страх. Вместе с ней нас было тринадцать; тайландцы в некоторых отношениях очень суеверны, больше даже, чем китайцы; в нумерации этажей и домов им случается перескакивать с двенадцатого на четырнадцатый, лишь бы избежать числа тринадцать. Я сел на левую сторону в центре салона. Во время групповых поездок экскурсанты, как правило, осваиваются очень быстро: для спокойствия важно только пораньше занять место и держаться его, можно даже положить на него какие-нибудь свои вещи – словом, обжить.

Учитывая, что автобус был на три четверти пуст, я немало удивился, когда Валери села рядом со мной. Двумя рядами дальше Бабетт и Леа насмешливо зашушукались. Заткнитесь, сучки. Я исподволь разглядывал соседку: длинные темные волосы, лицо – не знаю, как и сказать, – *неброское*, в общем; не красавица и не дурнушка. Я напряг свои мыслительные способности и промямлил: “Вам не слишком жарко?” – “Нет, нет, в автобусе нормально”, – ответила она быстро и без улыбки, но испытываемое видимое облегчение от того, что я начал разговор. А между тем глупее вопроса и придумать невозможно: в автобусе на самом деле стоял чудовищный холод. “Вы уже бывали в Таиланде?” – спросила она, умело поддержав беседу. “Да, один раз”. Она замерла в ожидании, приготовясь выслушать интересный рассказ. Рассказать ей о моей первой поездке? Лучше не сейчас, потом как-нибудь. “Было хорошо...” – выдавил я из себя наконец, стараясь компенсировать банальность фразы задушевностью тона. Она удовлетворенно кивнула. Тут я сообразил, что девушка эта нисколько не зависела от Жозианы; покорность была ее *натурой*, и, может, она как раз искала себе нового хозяина; может, Жозиана ей надоела – та, кстати, сидела впереди, через два ряда от нас, с остервенением листала “Рутар” и злобно поглядывала в нашу сторону. Просто песня!

⁴ Антуан Вештер — один из лидеров французского движения защитников окружающей среды.

Сразу за причалом Пэйаб лодка свернула направо в Кхлонг-Самсен, и мы попали в совершенно иной мир. Люди жили здесь так же, как и сто лет назад. Вдоль канала стояли на сваях домишки из тика; под навесами сушилось белье. Некоторые женщины подходили к окнам, чтобы на нас поглазеть, другие, увидев нас, отрывались от стирки. Между сваями барахтались в воде ребятишки, они махали нам руками. Повсюду буйствовала растительность, пирога наша продиралась сквозь заросли водяных лилий и лотосов; повсюду бурлила жизнь. Любое свободное пространство на земле, в воздухе или воде мгновенно заполнялось ящерицами, бабочками, карпами. Хотя приехали мы, как сообщила Сон, в разгар сухого сезона, атмосфера была безнадёжно перенасыщена влагой.

Валери сидела рядом со мной, от нее веяло глубочайшим покоем. Она махала рукой старикам, курившим трубку на балконе, купающейся ребятне, стирающим женщинам, а те отвечали на ее приветствия. Наши швейцарские экологи тоже расслабились, и даже натуропаты выглядели более умиротворенными. Нас окружали лишь тихие звуки да улыбки. Валери повернулась ко мне. Я чуть было не взял ее за руку, но удержался, сам не знаю почему. Лодка замерла: на короткое мгновение мы погрузились в вечность счастливого дня; Леа с Бабетт и те смолкли. Они ловили кайф, как потом, уже на пристани, объяснила Леа.

Во время осмотра храма Утренней Зари я подумал, что надо бы найти открытую аптеку и купить виагру. На обратном пути я узнал, что Валери родом из Бретани – ее родители владели раньше фермой в Трегорруа; сам же я не находил, что ей сказать. У нее было умненькое личико, но мне не хотелось вести умных разговоров. Мне нравился ее нежный голос, мелкое католическое рвение, движение ее губ, когда она говорила; я представлял себе, как горячо у нее во рту и как она с готовностью глотает сперму любящего друга. “Сегодня было хорошо...” – пробормотал я наконец от безысходности. Я отвык от людей – слишком долго жил в одиночестве – и теперь не знал, как подступиться. “Да, хорошо...” – согласилась она без претензий – славная девушка. Тем не менее, когда автобус подъехал к отелю, я ринулся в бар.

После трех коктейлей я пожалел о своем поведении на экскурсии и вышел пройтись по холлу. Было семь часов вечера, из нашей группы никто еще не спустился. За четыреста бат желающие могли получить ужин с “традиционными тайскими танцами” – встреча была назначена на восемь. Валери, конечно, пойдет. Лично я уже имел некоторое представление о традиционных тайских танцах, поскольку три года назад совершил тур “Классический Таиланд, от «Розы Севера» до «Города Ангелов»”, организованный фирмой “Куони”. Неплохой, между прочим, тур, только дороговатый и жуть какой культурный: все участники с высшим образованием. От них не ускользало ничего: ни тридцать две позы Будды в Раттанакосине, ни различия между тайско-бирманским, тайско-кхмерским и собственно тайским стилями. Без “Синего гида” я постоянно чувствовал себя нелепо и вернулся из поездки измученным. Между тем я начинал ощущать настоящее желание потрахаться. В нарастающей нерешительности я кружил по холлу и вдруг увидел надпись *Health Club* с указателем на нижний этаж.

Помимо красных неоновых светильников вход обрамляла гирлянда разноцветных лампочек. Со светящегося белого панно три сирены в бикини со слегка неправдоподобной грудью протягивали потенциальному клиенту бокалы шампанского; на заднем плане вырисовывалась крайне стилизованная Эйфелева башня – словом, концепция интерьера здесь несколько отличалась от *пространства форм* в отелях “Меркурий”. Я вошел в бар и заказал бурбон. За стеклом дюжина девиц повернули головы в мою сторону, некоторые завлекательно улыбались, некоторые – нет. Из клиентов я был один. Несмотря на малые размеры заведения, девушки носили круглые бляшки с номерами. Я сразу выбрал номер семь: во-первых, она была миленькой, во-вторых, не выглядела ни чрезмерно увлеченной телевизионной программой, ни погруженной в болтовню с подружкой. Услышав, что ее вызвали, она поднялась, явно довольная. Я угостил

ее в баре кока-колой, и мы пошли в комнату. Ее звали Оон, во всяком случае, так я расслышал; приехала она из деревушки поблизости от Чиангмая на севере страны. Ей было девятнадцать.

Мы приняли пенную ванну, после чего я не вытираясь распластался на матрасе, чувствуя, что не пожалею о своем выборе. Оон двигалась великолепно, гибко; и мыльной пены сделала ровно сколько нужно. Сначала она ласкала грудь мои ягодицы; это была ее собственная выдумка, другие так не делали. Ее хорошо намыленная киска жесткой щеточкой терлась о мои икры. Член сразу же встал, я даже удивился; когда она перевернула меня и стала гладить его ногой, я уже думал: конец. Но, резко напряжив отводящие мышцы бедер, ценой огромных усилий все-таки сдержался.

Она села на меня верхом; я воображал, что меня хватит надолго, но просчитался. Она, хоть и была совсем молоденькой, киской своей пользоваться умела. Начала она очень нежно, лишь чуть-чуть сдавливая головку, затем опустилась на несколько сантиметров и зажала меня посильней.

– О-о! Оон! О! О! – закричал я.

Она рассмеялась, наслаждаясь своей властью надо мной, опустилась пониже, стенки влагалища сжимались медленно и сильно; при этом она смотрела мне прямо в глаза и улыбалась. Я кончил задолго до того, как она добралась до основания члена.

Потом мы немного полежали на кровати, обнявшись, и поболтали; она, похоже, не спешила возвращаться в бар. Клиентов у нее было мало; в этом отеле обычно селились люди немолодые, непримечательные и ко всему охладевшие. Часто останавливались и французы, но мало кто из них ценил *body massage*. Те, которые ей встречались, были вполне милы, но в основном она имела дело с немцами и австралийцами. Иногда с японцами; японцев она не любила: они со странностями, им обязательно хочется либо бить тебя, либо связывать, а то еще сядут и онанируют, глядя на твои туфли; неинтересно, короче, нисколько.

А как я ей понравился? Неплохо, только она надеялась, что я дольше продержусь. “*Much need...*” – добавила она, легонько потряхивая пальцами мой пресыщенный член. А в остальном я произвел на нее приятное впечатление. “*You look quiet...*” – сказала она. Тут она немного ошибалась; впрочем, она и вправду меня успокоила. Я дал ей три тысячи бат: цена, по моим воспоминаниям, приличная. По ее реакции я понял, что цена действительно приличная. “Кхоп кхун кха!” – воскликнула она, улыбаясь во весь рот, и поднесла сложенные ладони ко лбу. Потом проводила меня к выходу, держа за руку; в дверях мы расцеловались в щеки.

Поднимаясь по лестнице, я нос к носу столкнулся с Жозианой, в нерешительности стоявшей на верхней ступеньке. Она нарядилась в черную вечернюю тунику с золотой каймой, но привлекательней от этого не стала. Повернув ко мне умное сальное лицо, она смотрела на меня, не мигая. Я заметил, что она и голову помыла. Никто не назвал бы ее дурнушкой; если хотите, она была даже хороша собой – мне очень нравились ливанки того же типа, – но глаза неизменно оставались злыми. Ее легко можно было вообразить спорящей о политике, а вот сострадающей – нет. Мне нечего было ей сказать. Я опустил голову. Вероятно немного смутившись, она заговорила первая: “Там что-нибудь интересное внизу?” Она раздражала меня до такой степени, что я чуть не брякнул: “Бар со шлюхами”, но потом все-таки соврал, так проще: “Нет, нет, не знаю, что-то вроде салона красоты...” – “Вы не пошли на ужин-концерт”, – не отставала эта гадина. “Вы тоже...” – парировал я. Она помедлила с ответом, жеманно выдержала паузу. “Ах, знаете, я не любительница таких вещей...” – продолжала она, поведя рукой на манер расиновской героини. – Это как-то для туристов...” Что она хотела этим сказать? Тут все для туристов. Я снова еле сдержался, чтобы не съездить ей кулаком по роже. Она стояла по центру лестницы и загораживала мне проход; пришлось набраться терпения. Автор пламенных посланий святой Иероним проявлял, когда требовали обстоятельства, *христианское смирение* и оттого был произведен в святые и великие учителя Церкви.

“Традиционные тайские танцы”, полагала она, зрелище для Жозетт и Рене, которых она в душе считала *мещанами*; я с ужасом понял, что она ищет во мне союзника. В самом деле, скоро наша группа двинется в глубь страны, мы поделимся на два лагеря и будем есть за двумя столами; настала пора определиться, с кем ты. “Н-да...” – сказал я после долгого молчания. И тут, откуда ни возьмись, над нами возник Робер. Он хотел спуститься. Я ловким движением уступил ему дорогу, поднявшись при этом на несколько ступенек. Перед тем как устремиться в ресторан, я обернулся: Жозиана стояла как вкопанная и не спускала глаз с Робера, а тот решительно направлялся в массажный салон.

Бабетт и Леа крутились возле контейнеров с овощами. Я сухо кивнул им в знак того, что их узнал, и положил себе водяного шпината. Надо думать, они тоже сочли тайские танцы *нафталиновыми*. Возвращаясь к своему столу, я обнаружил, что эти две стервы сидят от меня в нескольких метрах. Леа была одета в футболку *Rage Against the Machine* и облегающие джинсовые бермуды, Бабетт – в бесформенную хламиду из полос цветного шелка и прозрачной ткани между ними. Они оживленно щебетали, обсуждая, как мне показалось, нью-йоркские гостиницы. Жениться на одной из этих цыпочек – это был бы *полный* кошмар. Что, если сменить столик? Нет, это было бы слишком грубо. Я просто сел за него с другой стороны так, чтобы оказаться к ним спиной, заглотал ужин и пошел к себе в номер.

Только я собрался принять ванну, как появился таракан. Выбрал подходящее время, чтобы появиться в моей жизни, лучше не придумаешь. Он быстро бежал по кафелю, черт такой; я стал искать глазами тапок, хотя в душе понимал, что шансов разделаться с ним у меня немного. Стоит ли бороться? Даже Оон со своим потрясающе упругим влагищем ничем не может помочь. Мы заранее обречены. Тараканы совокупляются весьма неуклюже и без особой радости, зато делают это часто, и мутации происходят у них очень быстро; против тараканов мы бессильны.

Перед тем как раздеться, я снова вспомнил Оон, воздав должное ей и всем проституткам в Таиланде. Работа у них, между прочим, нелегкая; думаю, им не часто попадаются приятные юноши сносной наружности, желающие просто по-честному кончить вместе. Про японцев и говорить нечего – я даже вздрогнул при одной мысли о них и взял в руки путеводитель “Рутар”. Бабетт и Леа не смогли бы работать здесь проститутками, да и недостойны этого. Валери – как знать; что-то угадывалось в ней такое, одновременно материнское и чуточку блядское – и то и другое, понятно, домысел; пока она была просто милой девушкой, приветливой, серьезной. Умненькой, кстати. Хм, в самом деле, она мне нравилась. Я быстренько подрочил, чтобы потом приступить к чтению с легкой душой: даже несколько капель выцедил.

Взявшись подготовить желающих к поездке в Таиланд, “Рутар” на деле сеет в вас живейшие сомнения относительно такого путешествия и уже начиная с предисловия считает своим долгом изобличать сексуальный туризм – эту *мерзкую форму эксплуатации*. Попросту говоря, авторы брюзжат беспрестанно с единственной целью: отравить ненавистным туристам все радости до последней. Потому что любят они на самом деле только себя самих, если судить по разным саркастическим замечаниям, которыми усеяна книга, как, например: “Ах, милочка, видели бы вы это во времена хи-хиппи!..” Неприятнее всего – резкий, холодный, суровый тон, в котором сквозит плохо сдерживаемое негодование: “Мы не ханжи, но Паттайя нам не по душе. Надо же и меру знать”. Чуть дальше они обрушиваются на “толстобрюхих западных туристов”, красующихся в обнимку с маленькими тайками; наших “странников” от этого “буквально тошнит”. Святоши пуританские, высоконравственные кретины – вот кто они такие вместе с их “славными друзьями, которые помогали им в работе над книгой”; все эти рожи самодовольно глядели на вас с четвертой страницы обложки. Я с досадой швырнул путеводитель через всю комнату и едва не угодил в телевизор *Sony*, а затем, смирившись, открыл “Фирму” Джона Гришэма, американский бестселлер, один из лучших – имеется в виду, по продажам. Главный герой – подающий надежды адвокат, блистательный юноша, красавец – работает по девяносто

часов в неделю; дерьмо это не просто было похабнейшим образом подготовлено под будущий сценарий, но еще и чувствовалось, что автор уже подумал об актерском составе и писал главную роль для Тома Круза. Супруга героя – тоже хоть куда, пусть и работает всего восемьдесят часов в неделю; но вот Николь Кидман не годилась, эта роль была не для курчавых, тут надо, чтоб укладка феном. Слава богу, у наших голубков нет детишек – это избавляло от лишних душераздирающих сцен. Роман принадлежал к категории остросюжетных, вернее, умеренно остросюжетных: уже со второй главы становилось ясно, что руководители фирмы – подлецы, а также что герой в конце останется жив, как, впрочем, и его жена. Зато по ходу действия автор для нагнетания страстей наверняка собирался пожертвовать несколькими симпатичными персонажами второго плана; оставалось выяснить, какими именно – что ж, было ради чего читать. Может, например, отцом героя, у того как раз дела не клеились, не удавалось приспособиться к менеджменту по системе “точно в срок”; я подозревал, что мы были свидетелями его последнего Дня благодарения.

6

Детство Валери прошло в городочке Тремевен, расположенном в нескольких километрах к северу от Генгана. В семидесятые и в начале восьмидесятых правительство и местные власти вознамерились создать в Бретани мощный центр производства свинины, способный конкурировать с Великобританией и Данией. Государство призывало развивать интенсивные хозяйства, и молодые животноводы, к числу которых принадлежал отец Валери, влезли в большие долги перед банком “Креди Агриколь”. В 1984 году цены на свинину начали резко падать; Валери исполнилось тогда одиннадцать лет. Она была девочкой послушной, немного замкнутой, училась хорошо; осенью ей предстояло идти в шестой класс коллежа в Генгане. Ее старший брат, который тоже учился хорошо, сдал выпускные экзамены и записался на подготовительные курсы при лицее в городе Ренн: он готовился стать агрономом.

Валери запомнилось Рождество восемьдесят четвертого; отец тогда провел целый день с бухгалтером Национальной федерации земледельческих профсоюзов. За праздничным ужином он долго сидел молча. Но во время десерта, после двух бокалов шампанского, заговорил с сыном. “Продолжать мое дело я тебе не советую, – сказал он. – Вот уже двадцать лет, как я встаю затемно и заканчиваю работу в восемь-девять вечера; мы с твоей матерью отпуска настоящего ни разу не имели. А продай я сейчас ферму со всей техникой и хлевами и вложи деньги в курортную недвижимость – смогу остаток своих дней загорать на солнышке”.

В последующие годы цены на свинину продолжали снижаться. Фермеры устраивали демонстрации протеста, нередко заканчивавшиеся безнадежным насилием; однажды они вылили на эспланаду перед Домом инвалидов тонны навозной жижи, в другой раз резали свиней на площади перед Бурбонским дворцом. В конце 1986 года правительство приняло постановление о неотложных мерах, направленных на поддержку свиноводства, потом разработало план подъема отрасли. В апреле 1987-го отец Валери продал все хозяйство за четыре с небольшим миллиона франков. На вырученные деньги он купил большую квартиру в Сен-Ке-Портриё, куда переехал с семьей, и три однушки в Торремолинос; у него остался миллион, который он вложил в инвестиционные фонды; а кроме того, он смог осуществить свою детскую мечту – приобрел небольшую яхту. Подписывая акт о продаже фермы, он испытывал грусть и легкую горечь. Новый хозяин, уроженец Ланьона, двадцатитрехлетний холостяк с сельскохозяйственным образованием, еще верил в планы экономического подъема. Отцу Валери минуло в ту пору сорок восемь, матери – сорок семь; лучшие годы их жизни прошли, считай, впустую. Они жили в стране, где инвестиции в производство не давали никаких реальных преимуществ перед спекулятивными вложениями – теперь он в этом убедился. За первый же год сдачи внаем однушек он заработал больше денег, чем за все время упорного труда. Он пристрастился к кроссвордам, ходил на яхте по заливу, рыбачил иногда. Жена поддерживала его как могла; она освоилась в новой жизни куда быстрее, снова полюбила книги, кино, стала бывать на людях.

Когда продавали ферму, Валери исполнилось четырнадцать лет, она уже начала красться; в зеркале, висевшем на стене ванной, она наблюдала, как постепенно наливается ее грудь. Накануне переезда она долго бродила по ферме. В центральном хлеву оставался еще десяток свиней, они подошли к ней, тихонько похрюкивая. Вечером их должен был забрать оптовик и через несколько дней забить.

Лето на новом месте протекало необычно. По сравнению с их Тремевеном Сен-Ке-Портриё казался настоящим городом. Валери не могла теперь, выйдя из дома, лечь, как прежде, на траву, унести мыслями вслед облакам, слушая ропот реки. На улице некоторые мальчики из числа отдыхающих провожали ее долгими взглядами; ей никогда не удавалось полностью расслабиться. В конце августа она познакомилась с Беренис, своей будущей одноклассницей: Валери определили в лицей в Сен-Бриё. Беренис была на год старше, она уже давно краси-

лась, носила брендовые юбки; у нее было хорошенькое остренькое личико и очень длинные светлые волосы удивительного рыжеватого оттенка. Девочки стали вместе ходить на пляж Сен-Маргерит; переодевались заранее в комнате Валери. Однажды, сняв лифчик, Валери перехватила взгляд Беренис, устремленный на ее грудь. Она и сама знала, что грудь у нее великолепная, круглая, высокая, такая налитая и упругая, будто искусственная. Беренис протянула руку, погладила изгиб груди, потом сосок. Губы их сблизились, Валери открыла рот и зажмурилась, отдаваясь поцелую целиком. Внизу у нее все увлажнилось раньше, чем Беренис скользнула рукой ей в трусы. Валери нетерпеливо сбросила их, опрокинулась на кровать, раздвинула ноги. Беренис опустилась на колени, прильнула губами к ее киске. Валери сводило живот горячими судорогами, ей казалось, что сознание ее взмывает в бескрайние небесные просторы; она никогда и не подозревала о существовании подобного блаженства.

Они проделывали это снова и снова, каждый день до конца лета. Первый раз – после обеда, перед тем как идти на пляж. Потом они отправлялись загорать, и, лежа на солнце, Валери чувствовала, как во всем теле постепенно нарастает желание; тогда она снимала бюстгальтер, чтобы Беренис могла полюбоваться ее грудью. Затем они чуть ли не бегом возвращались в комнату и предавались любви второй раз.

С началом занятий, уже в первую неделю, Беренис стала отдаляться от Валери, избегать встреч после уроков; вскоре у нее появился парень. Валери вполне спокойно перенесла разрыв – жизнь есть жизнь. У нее вошло в привычку ласкать себя по утрам, как проснется. Всякий раз за несколько минут она доводила себя до оргазма, и радость от этого легкого и восхитительного процесса, который свершался внутри нее, сохранялась на целый день. К мальчикам она относилась настороженно: купив в привокзальном киоске несколько номеров “Хот видео”, она получила представление об их анатомии, половых органах и вообще о различных сексуальных действиях, однако волосатые мускулистые тела мужчин внушали ей легкое отвращение, а их кожа казалась толстой и грубой. Сморщенная коричневатая мошонка и пенис с красной блестящей головкой – словно из анатомического атласа – выглядели совсем непривлекательно. Тем не менее как-то раз Валери провела вечер на дискотеке в Пемполе с долговязым блондином из выпускного класса и потом переспала с ним, но особенного удовольствия не почувствовала. В последние два года учебы в лицее она много раз пробовала с другими; соблазнять мальчишек проще простого: надо только надевать короткую юбку, закидывать ногу на ногу и блузку носить с большим вырезом или прозрачную, чтоб видели грудь; приобретенный сексуальный опыт не открыл ей ничего нового. Умом она понимала, какое блаженное торжество испытывают некоторые женщины, чувствуя, как мужской член глубоко проникает в их киску, но сама ничего подобного не ощущала. Презерватив, понятно, тоже мешал; хлюпанье резинки всякий раз возвращало ее к реальности, когда она уже готова была соскользнуть в бездонную сладостную бездну. Ко времени выпускных экзаменов она почти полностью отказалась от сексуальной жизни.

Прошедшие с тех пор десять лет мало что изменили, с грустью думала Валери, проснувшись в номере отеля “Бангкок Палас”. Еще не рассвело. Она зажгла свет, посмотрела на себя в зеркало. Грудь оставалась упругой, она ничуть не изменилась с тех пор, как Валери исполнилось семнадцать. И ягодички нисколько не обвисли, не ожирели; слов нет, у нее было прекрасное тело. Между тем к завтраку она натянула на себя широкую толстовку и бесформенные бермуды. Выходя из комнаты, еще раз взглянула в зеркало: лицо как лицо, симпатичное, но и только; волосы, черные, прямые, небрежно спадали на плечи, глаза темно-карие, вряд ли что-то из этого дополняет ее достоинства. Она могла бы, вероятно, выглядеть эффектнее, если бы поиграла с макияжем, сменила прическу, посещала бы косметолога. Большинство женщин ее возраста уделяют своей внешности хотя бы несколько часов в неделю; ей же казалось, что

сильно лучше она от этого не станет. В сущности, у нее просто отсутствовало желание обольщать.

Мы выехали из отеля в семь часов, движение на дорогах было уже плотным. Валери кивнула мне и села рядом, через проход. В автобусе никто не разговаривал. Серый мегалополис медленно пробуждался; между переполненными автобусами сновали мотороллеры, на них перемещались семьями: муж, жена, иногда ребенок у нее на руках. Легкий туман еще лежал на некоторых улочках у реки. Скоро солнце пробьется сквозь утренние облака и начнется жара. Когда миновали Нонтхабури, городская застройка стала редеть и мы увидели первые рисовые поля. У дороги, увязнув ногами в грязи, неподвижно стояли буйволы и провожали глазами автобус, точь-в-точь как наши коровы. В стане экологов заерзали: видно, не терпелось буйволов сфотографировать.

Первую остановку сделали в Канчанабури: описывая этот город, разные справочники, словно сговорившись, употребляют эпитеты “оживленный” и “веселый”. “Превосходная отправная точка для осмотра окружающей местности”, – пишет “Мишлен”; “хороший базовый лагерь”, – вторит ему “Рутар”. Далее наша программа предусматривала многокилометровую экскурсию на поезде по “дороге смерти”, петляющей вдоль реки Квай. Я никогда не мог толком разобраться, что все-таки произошло на реке Квай, а потому добросовестно слушал объяснения нашей гидши. По счастью, Рене сверял ее рассказ с текстом “Мишлена” и при надобности поправлял. В итоге получилось приблизительно следующее: вступив в войну в 1941 году, японцы решили построить железную дорогу, соединяющую Сингапур и Бирму, рассчитывая в дальнейшем вторгнуться в Индию. Дорога эта пролегла через Малайзию и Таиланд. Между прочим, что делали тайландцы во время Второй мировой войны? Да в общем ничего особенного! Соблюдали нейтралитет, целомудренно отвечала Сон. Точнее, как пояснил Рене, заключили военное соглашение с Японией, не объявляя, однако, войны союзникам. Мудро. Они и тут проявили свою хваленую *изворотливость*, позволившую им в течение последних двух с лишним веков существовать между двумя колониальными империями, французской и британской, не уступая ни одной из них и оставаясь единственной страной Юго-Восточной Азии, которая никогда не была колонией.

Короче, в 1942 году началось строительство; в долину реки Квай согнали шестьдесят тысяч военнопленных: англичан, австралийцев, новозеландцев и американцев, а сверх того “бесчисленное” множество каторжников-азиатов. В октябре 1943 года дорогу построили; при этом, не вынеся голода, скверного климата и природной жестокости японцев, погибли шестнадцать тысяч военнопленных. А вскоре авиация союзников разбомбила мост через реку Квай – основной элемент инфраструктуры; использовать железную дорогу стало невозможно. В общем, горы трупов, и все напрасно. С тех пор положение не изменилось: наладить нормальное железнодорожное сообщение между Сингапуром и Дели не удалось и по сей день.

При осмотре музея, открытого в память о невыносимых страданиях военнопленных, я испытывал смешанные чувства. Разумеется, думал я, история весьма прискорбная; но, с другой стороны, во время Второй мировой войны случались вещи и пострашней. Мне невольно приходило на ум, что, окажись эти пленные поляками или русскими, никто б не стал поднимать такую шумиху.

Потом пришлось выдержать еще и посещение *кладбища* военнопленных, положивших жизнь и все такое прочее. Белые кресты, все совершенно одинаковые, стояли рядами и навевали глубокую тоску. Я вспомнил мемориал “Омаха-Бич”⁵, который тоже меня особо не впечат-

---

⁵ *Омаха-Бич* — закодированное в целях конспирации название побережья Нормандии, где в 1944 году происходила высадка американских войск.

лил: по правде говоря, он показался мне похожим на инсталляцию современного художника. “Здесь, – подумал я тогда, сознавая, что грусть моя недостаточно глубока, – целая куча дураков полегла за демократию”. Кладбище на реке Квай намного меньше, теоретически можно было даже посчитать могилы, я начал, но вскоре бросил. “Тут не может быть шестнадцати тысяч”, – заключил я вслух. “Совершенно верно, – откликнулся Рене, не отрывавшийся от “Мишлена”. – Погибло около шестнадцати тысяч человек, однако могил всего пятьсот восемьдесят две; здесь покоятся, как их принято называть, – он читал, водя пальцем по строчкам, – *пятьсот восемьдесят два мученика за демократию*”.

В десятилетнем возрасте, сдав норму на третью “звездочку” по лыжам, я отпраздновал это событие в кондитерской кучей блинов с ликером “Гран Марнье”. Гулял в одиночку – поделиться радостью мне было не с кем. Я тогда, как обычно, гостил у отца в Шамони. Он работал высокогорным проводником, асом был в альпинизме. И дружбу водил с людьми себе под стать: отважными, мужественными; среди них я чувствовал себя не очень уверенно. Я вообще никогда не чувствовал себя уверенно в мужском обществе. Мне исполнилось одиннадцать лет, когда девочка впервые показала мне свою киску – я был восхищен; удивительный маленький орган с прорезью полюбился мне сразу. Он был почти без волос; девочку, мою ровесницу, звали Мартина. Она долго держала ноги растопыренными, старательно оттягивая трусики, чтобы я мог все как следует разглядеть, но когда я протянул руку, испугалась и убежала. Казалось, это случилось совсем недавно; на мой взгляд, я не очень изменился с тех пор. Мое пристрастие к женским кискам нисколько не ослабло, пожалуй, оно было последней сохранившейся во мне подлинно человеческой чертой; насчет всего остального – сомневаюсь.

Когда мы возвратились в автобус, Сон взяла слово. Мы направлялись теперь к месту нашего ночлега, ночлега совершенно особенного и самого высокого качества, подчеркнула она. Никакого телевизора, никакого видео. Никакого электричества – свечи. Вместо ванной – река. Вместо матрасов – циновки. Полное возвращение к природе. Вечно это возвращение к природе сводится ко всякого рода лишениям, отметил я про себя; зато наши экологи – пока ехали на поезде, я волей-неволей выучил, что их зовут Эрик и Сильви, – сгорали от нетерпения. “Французская кухня вечером, – заключила Сон без видимой связи. – Сейчас кушать тайский. Маленький ресторан. Берег реки”.

Дивный уголок. Столы стояли в тени деревьев. В залитом солнцем бассейне у входа плавали лягушки и черепахи. Я долго смотрел на лягушек, снова и снова удивляясь тому, как бурно все размножается в здешнем климате. На глубине сновали какие-то белесые рыбешки. Над ними среди водяных лилий скользили дафнии. На лилии то и дело садились насекомые. Черепахи наблюдали за всем этим со свойственной их роду невозмутимостью.

Меня окликнула Сон, сказала, что обед уже начался. Я отправился в зал у реки. Нам накрыли два стола, на шесть человек каждый; все места оказались заняты. Я озирался, охваченный легкой паникой; но тут мне на выручку пришел Рене. “Какие проблемы? Идите к нам! – пригласил он широким жестом. – Добавим прибор с краю”.

Так я очутился в компании, состоящей из супружеских пар: экологи, натуропаты – заодно открылось, что их зовут Альбер и Сюзанна, – и почтенные колбасники. Разделение на группы объяснялось, как я очень скоро убедился, не реальной близостью между людьми, а всего лишь необходимостью быстро выбрать место за столом; как нередко случается в экстренных ситуациях, пары инстинктивно соединились; в сущности, этот обед представлял собой только первый раунд, во время которого участникам надлежало *присмотреться* друг к другу.

Сначала разговор зашел о *массажах* — натуропатов они интересовали чрезвычайно. Накануне вечером Альбер и Сюзанна предпочли традиционным тайским танцам великолепный массаж спины. Рене игриво улыбнулся, но выражение лица Альбера сразу дало ему понять, что смешки тут совершенно неуместны. Традиционный тайский массаж, произнес он с пафо-

сом, не имеет ничего общего со всякими гнусностями; это плод цивилизации, которая насчитывает сотни, даже тысячи лет, к тому же он полностью согласуется с китайским учением об иглотерапии. Они сами практиковали его у себя в Монбельяре, но, разумеется, не могли сравниться с тайскими массажистами в сноровке; прошедшим вечером, заключил он, они получили прекрасный урок. Эрик и Сильви слушали их как замороженные. Рене смущенно кашлянул; в самом деле, эротика никак не вязалась с четой из Монбельяра. И кто это выдумал, что Франция – страна *фривольности и разврата*? Франция – страна скуки, ужасной скуки и бюрократии.

“Мне тоже вчера девушка делала массаж, – робко вставил я, – начала со спины, а закончила яйцами”. Поскольку рот у меня в эту минуту был забит орехами кешью, никто не разобрал моих слов, кроме Сильви, посмотревшей на меня с ужасом. Я отпил глоток пива и без смущения выдержал ее взгляд: сама-то она хоть способна *нормально* обиходить мужской член? Это еще требовалось доказать. А пока что я мог спокойно дожидаться своего кофе.

“Здесьние малышки и вправду очень милы”, – отозвалась Жозетт, усугубив общее замешательство, и взяла ломтик папайи. Кофе задерживался. Чем заняться под конец обеда, если нельзя курить? Я наблюдал, как в душе у всех постепенно зрела досада. Мы с трудом сумели кое-как закруглить разговор соображениями о климате.

Мне вспомнилось, как однажды отца вдруг сразила депрессия, особенно страшная для такого активного человека; он неподвижно лежал на кровати, а друзья-альпинисты толпились вокруг, смущенные и бессильные перед этой бедой. По его собственному признанию, он так упорно занимался спортом, чтобы забыть и ни о чем не думать. И ему это удалось: я уверен, ему удалось прожить жизнь, ни разу всерьез не задумавшись о смысле человеческого существования.

7

В автобусе Сон продолжила объяснения. Мы въезжали в приграничный район, заселенный беженцами из Бирмы – каренами; никакого неудобства создать это было не должно. Карены хороший, рассуждала Сон, смелый, дети хорошо работают в школе, никаких проблем. Не то что некоторые северные племена, которых мы не увидим во время нашего путешествия и, по ее словам, ничего не потеряем. Особенно это касалось народности акха – похоже, она имела на них зуб. Несмотря на все усилия правительства, акха не желали отказываться от своей традиционной деятельности – разведения мака. Они исповедовали своеобразный анимизм и пожирали собак. Акха плохой, настаивала Сон: умеют только фрукты собирать и мак выращивать, больше ничего; дети в школах не работают. Денег на них потрачено много, а толку нет. Ни на что не годятся, подытожила она, продемонстрировав несомненную склонность к синтезу.

Когда мы добрались до гостиницы, я стал с любопытством разглядывать пресловутых *каренов*, *суетившихся* у реки. С близкого расстояния, без автоматов, они совсем не выглядели воинственными, а в слонах своих, кажется, просто души не чаяли. Судя по всему, им доставляло огромное удовольствие барахтаться в воде и чистить слоновьи спины. Правда, это были не *мятежные* карены, а *обыкновенные*, как раз и бежавшие оттуда, где шли бои, потому что им надоели все эти неприятности, а борьба за независимость оставляла их более или менее равнодушными.

У себя в комнате я нашел брошюру, где рассказывалась история курорта, совпадавшая с удивительной жизнью одного человека – Бертрана Ле Моаля, славного предшественника нынешних “странников”, влюбившегося в это место и обосновавшегося здесь в конце шестидесятых. Упорным трудом с помощью своих друзей-каренов он по крупницам создавал здесь “экологический рай”, куда съезжаются теперь туристы со всего света.

Место и в самом деле великолепно. Домики из тикового дерева, украшенные тонкой резьбой и соединенные утопающими в цветах переходами, нависали над рекой – вы ощущали ногами ее пульс. Гостиница находилась в глубоком ущелье, склоны которого поросли непроходимыми джунглями. В ту самую минуту, когда я вышел на террасу, воцарилась полнейшая тишина. Несколько секунд я не мог понять, в чем дело: просто все птицы разом перестали петь. В этот час джунгли готовились к ночи. Интересно, много ли в этом лесу крупных хищников? Вряд ли; каких-нибудь два-три леопарда, зато змей и пауков, наверное, не счесть. День быстро угасал. Обезьяна, прыгавшая с дерева на дерево на том берегу, издала короткий крик. Чувствовалось, что ей не по себе и не терпится скорее добраться до своих.

Я возвратился в комнату, зажег свечи. Обстановка самая непритязательная: тиковый стол, две грубые деревянные койки, спальные мешки, циновки. В течение четверти часа я методично натирался средством “Пять из пяти”. Река – это, конечно, приятно, но, сами понимаете, она привлекает mosquitos. Нашлась еще плиточка мелиссы, которую можно было растопить – тоже не лишняя предосторожность.

Когда я вышел к ужину, уже совсем стемнело; от домика к домику протянулись гирлянды разноцветных лампочек. Значит, электричество тут все-таки есть, отметил я про себя, просто не сочли нужным провести его в комнаты. Я на минуту остановился, облокотился о перила и стал смотреть на реку; в воде мерцала взошедшая луна. Напротив я различал темный массив джунглей; оттуда время от времени доносился глухой крик неведомой ночной птицы.

Любой коллектив, если он насчитывает хотя бы три человека, имеет тенденцию делиться, судя по всему спонтанно, на два враждующих лагеря. Ужин подавали на понтонном помосте посреди реки; нам накрыли два стола на восемь человек. Экологи с натуропатами уже сидели за одним, а бывшие колбасники – в одиночестве за другим. Что послужило поводом для рас-

кола? Может, обеденный разговор о массажах; он, если разобраться, прошел не вполне гладко. Впрочем, уже утром Сюзанна, одетая строго – в блузку и белые льняные брюки, подчеркивавшие сухость ее форм, – прыснула со смеху, увидев на Жозетт платье в цветочек. Словом, размежевание началось. Я трусовато замедлил шаг, пропуская вперед Лионеля, моего соседа по самолету, а теперь и по бунгалу. Он сориентировался очень быстро и едва ли осознанно; мне показалось, он руководствовался не личными симпатиями, а своего рода *классовой солидарностью*, или, вернее (он работал в “Газ де Франс”, то есть принадлежал к категории служащих, а те двое были в прошлом мелкими лавочниками), *общностью образовательного уровня*. Рене испытал явное облегчение от того, что мы присоединились к ним. Впрочем, наше решение на данной стадии формирования коллектива ничего определенного не означало: выбери мы другой стол, мы бы подчеркнули изоляцию бывших колбасников, тогда как тут мы просто восстановили равновесие.

Вслед за нами пришли Бабетт и Леа и без малейших колебаний устроились за соседним столом.

Спустя некоторое время – за которое успели подать закуски – на краю площадки появилась Валери и в нерешительности окинула взглядом собравшихся. За соседним столом оставалось два места рядом с Бабетт и Леа. Валери помедлила немного, а потом резко направилась к нашему столу и села слева от меня.

Жозиана одевалась в этот вечер еще дольше обычного; при свечах ей, наверное, пришлось помучиться с косметикой. Черное бархатное, в меру декольтированное платье выглядело недурно. После минутного замешательства она выбрала место напротив Валери.

Последним нетвердой походкой явился Робер; он, должно быть, как следует принял перед ужином – я видел его чуть раньше с бутылкой “Меконга” в руках. Подойдя к столу, он тяжело плюхнулся на скамейку слева от Валери. Из ближайшего леса донесся короткий, но душераздирающий крик: не иначе какой-то зверек распрощался с жизнью.

Сон прошла между столами, проверяя, все ли в порядке и удобно ли мы устроены. Сама она вместе с шофером ужинала отдельно от нас – такая не слишком демократичная рассадка уже за обедом вызвала неодобрение Жозианы. На самом деле, я думаю, Сон оно вполне устраивало, даже если она ничего не имела против нас: как она ни старалась, долгие беседы на французском давались ей с трудом.

За соседним столом журчала веселая болтовня о том, как здесь красиво, как приятно оказаться на природе, вдали от цивилизации, о вечных ценностях и т. п. “Ага, здесь классно, – поддакнула Леа. – Вы видели? Мы в настоящих джунглях... Поверить не могу”.

А вот у нас обнаружили проблемы с выбором общей темы для разговора. Сидевший напротив меня Лионель невозмутимо жевал и никаких попыток наладить беседу не предпринимал. Сам я нервно озирался по сторонам. Краем глаза я увидел, как из кухни вышел толстый бородач и резко отчитал официантов: не иначе знаменитый Бертран Ле Моаль собственной персоной. Пока что самой очевидной его заслугой в моих глазах было то, что он обучил каренов готовить гратен дофинуа. Блюдо удалось на славу: свинина получилась идеально прожаренной, одновременно хрустящей и нежной.

– Сюда б немножко красненького, – меланхолично заметил Рене. Жозиана презрительно поджала губы: что она думает о французах, которые в путешествии не могут обойтись без своего “красненького”, стало ясно без слов.

Валери довольно неловко заступилась за Рене.

– Тайскую пищу совсем не хочется запивать вином, – сказала она, – а с французской немного вина не помешало бы.

Сама она, впрочем, пила только воду.

– Когда едешь за границу, – провозгласила Жозиана, – надо пробовать *местные* блюда и следовать *местным* обычаям! Иначе лучше сидеть дома.

– Правильно! – гаркнул Робер, сбив весь ее пафос. Она осеклась и посмотрела на него с ненавистью.

– Здешняя кухня все-таки порой чуть-чуть островата, – робко вставила Жозетт. – А вас, похоже, это не смущает... – добавила она, обращаясь ко мне, вероятно чтобы разрядить атмосферу.

– О нет, обожаю все острое. По мне, чем острее, тем лучше. Я и в Париже постоянно ем у китайцев, – поспешно ответил я. Разговор, таким образом, перешел на китайские рестораны, которых в Париже развелось в последнее время очень много. Валери полагала, что лучшего обеда не придумаешь: и совсем недорого, и куда вкуснее, чем любой фастфуд, и, вероятно, полезнее. Жозиана по этому поводу сказать было нечего: сама она обедала в столовой на работе; а Робер, надо думать, счел эту тему недостойной своего участия. Короче, все шло спокойно до самого десерта.

Скандал разразился за сладким рисом. Подрумяненный, с корицей, он был изготовлен, полагаю, по оригинальному рецепту. Жозиана взяла быка за рога и заговорила о *сексуальном туризме*. Других слов, кроме “откровенная мерзость”, она подобрать не могла. И как только правительство Таиланда допускает подобные вещи? Мировое сообщество должно вмешаться. Робер слушал ее с кривой усмешкой, не предвещавшей ничего хорошего. Полное безобразие, но удивляться тут нечему, продолжала она, ведь значительная часть этих заведений (иначе как *борделями* их не назовешь) на деле принадлежит *генералам*; разврат пользуется могучим покровительством.

– Я сам генерал, – перебил ее Робер. Жозиана застыла с раскрытым ртом, челюсть ее беспомощно отвисла. – Шучу, – хихикнул Робер. – Я даже в армии не служил.

Шутка, похоже, ее несколько не развеселила. Она собралась с духом и ринулась в атаку с удвоенной силой:

– Постыдно, когда жирные боровы приезжают безнаказанно пользоваться людской нищетой. Несчастные девочки все из беднейших областей, с севера и северо-востока.

– Не все, – возразил Робер, – есть и из Бангкока.

– Это сексуальное рабство! – вопила Жозиана, не слыша его. – Иначе не скажешь!

Я легонько зевнул. Она бросила на меня мрачный взгляд, но продолжила, призывая всех в свидетели:

– Вы не находите недопустимой ситуацию, когда любая жирная скотина может получить молоденькую девушку за кусок хлеба?

– Ну не за кусок хлеба, – скромно вставил я. – Я заплатил три тысячи бат, примерно такая же цена во Франции.

Валери повернула голову и посмотрела на меня с удивлением.

– Многовато, – заметил Робер. – Впрочем, если девица того стоила...

Жозиану всю трясло, я уже начинал за нее беспокоиться.

– А я вам скажу, – визжала она пронзительно, – что меня тошнит, когда толстый боров платит девчонке, чтобы засунуть в нее свой поганый член!

– А я вас не прошу меня сопровождать, мадам, – спокойно ответил он.

Она встала, держа тарелку с рисом дрожащими руками. Все разговоры за соседним столом оборвались. Я думал, она швырнет тарелку ему в лицо; полагаю, ее удержал не до конца потерянный страх. Робер смотрел на нее серьезно, мускулы под тенниской напряглись. С ним такие штучки не пройдут, я без труда мог представить себе, как он влепит ей пощечину. Она резко опустила тарелку на стол, отчего та раскололась на три части; потом развернулась, быстро зашагала прочь в сторону бунгало, исчезла в ночи.

– Тс-с-с... – прошептал Робер.

Затем он поднялся не без изящества, обогнул стол и занял место Жозианы так, чтобы Валери, которая все это время сидела зажатая между ним и мной, могла, если хочет, тоже покинуть стол. Но она осталась; в это время официант подал кофе. Отпив два глотка, Валери снова повернулась ко мне.

– Вы и вправду ходили к девочкам? – спросила она тихо. В вопросе звучало любопытство, явного осуждения я не уловил.

– Не такие уж они бедные, эти девочки, – снова заговорил Робер, – покупают себе мотороллеры и тряпки. Некоторые даже грудь увеличивают. Грудь, между прочим, больших денег стоит. Они еще и родителям помогают, это правда... – добавил он задумчиво.

Наши спутники за вторым столом шепотом перебросились несколькими фразами и разошлись – надо полагать, из солидарности. Мы, получается, остались хозяевами положения. Луна светила прямо на нас, помост слегка поблескивал.

– Эти маленькие массажистки и в самом деле так хороши? – спросил Рене мечтательно.

– Ах, месье! – воскликнул Робер с театральной напыщенностью, но в общем-то, как мне показалось, искренне. – Они – чудо! Настоящее чудо! И вы еще не знаете Паттайю. Это курорт такой на восточном побережье, – продолжал он с воодушевлением, – целиком отданный сладострастию и пороку. Первыми начали американцы во время вьетнамской войны; потом приехало много англичан и немцев, а теперь можно встретить и поляков с русскими. Там обслуживание на любой вкус: гомосексуалы, гетеросексуалы, трансвеститы... Содом и Гоморра вместе взятые. Даже лучше, потому что есть еще и лесбиянки.

– Хм... – бывший колбасник размышлял. Его супруга тихонько зевнула, извинилась и обернулась к мужу, ей хотелось поскорей пойти спать.

– В Таиланде, – попытожил Робер, – каждый может найти для себя чего хочет; и всё – хорошего качества. Вам будут говорить про бразильянок или кубинок. Я много путешествовал, господа, путешествовал для собственного удовольствия и скажу не колеблясь: на мой взгляд, тайки – лучшие любовницы в мире.

Сидевшая напротив него Валери слушала внимательно и серьезно. Вскоре она коротко улыбнулась и ушла, а за ней – Жозетт и Рене. Потом поднялся Лионель, за весь вечер не произнесший ни слова, и я последовал за ним. Мне не очень хотелось продолжать разговор с Робером. Он остался сидеть в ночи один эдакой аллегорией трезвого мышления и заказал вторую порцию коньяка. Казалось, им владела глубокая многозначительная мысль, если только он не предавался размышлениям об условности всего сущего, что неизменно производит впечатление глубины и многозначительности. У входа в бунгало я пожелал Лионелю спокойной ночи. Воздух гудел от насекомых, я был уверен, что не сомкну глаз.

Я открыл дверь и зажег свечу, смирившись с тем, что придется коротать ночь за чтением “Фирмы”. Москиты устремились ко мне, некоторые сжигали крылья в пламени свечи, и трупы их тонули в расплавленном воске; но ни один не садился на меня. А ведь я был по самую кожу наполнен сладостной и питательной кровью; однако они машинально разворачивались, не долетев, поскольку натыкались на преграду из какого-нибудь там диметилпероксида карбида, с чем и поздравляю лабораторию “Рош-Николя”, создавшую “Пять из пяти. Тропики”. Я задул свечу, зажег снова, наблюдая за балетом гнусных крохотных летательных аппаратов, роившихся вокруг меня. За перегородкой тихо похрапывал Лионель. Я поднялся, положил новую пластинку мелиссы и пошел помочиться. В полу ванной комнаты зияла круглая дыра, под ней текла река. Слышалось хлюпанье воды, плескались рыбы, а уж что там на глубине – лучше и не думать. Когда я ложился, Лионель принялся с шумом выпускать кишечные газы. Я от души за него порадовался: “Молодец парень! Как говаривал Мартин Лютер, пукать в собственный спальный мешок – ни с чем не сравнимое удовольствие!” Мой голос в ночи, смешивающийся

с журчанием реки и гулом москитов, звучал странно. Звуки реального мира сами по себе причиняют боль. “Царство Небесное подобно ватной палочке! – снова завопил я в темноте. – Кто имеет уши слышать, да слышит!” Лионель перевернулся, глухо заворчал не просыпаясь. Мне ничего не оставалось, как принять еще дозу снотворного.

8

Река несла вниз по течению пучки травы. Из джунглей, подернутых дымкой, снова раздавалось, все усиливаясь, пение птиц. Прямо на юге, у выхода из долины, вырисовывались вдалеке причудливые контуры бирманских гор. Такие горы, синеватые, округлые и одновременно изрезанные уступами, я уже видел прежде – возможно, в пейзажах итальянских примитивов, когда лицеистом ходил в музей. Никто из группы еще не вставал, и жара еще не началась. Спал я хуже некуда.

После вечернего кризиса во время завтрака за столами установилась атмосфера относительного благодушия. Жозетт и Рене проснулись в хорошей форме, экологи же, напротив, едва стояли на ногах и вид имели плачевный. Пролетарии старшего поколения ценят современный комфорт и не скрывают этого, но, сталкиваясь с его явным отсутствием, проявляют гораздо больше выносливости, нежели их дети, будь они хоть трижды “экологами”. Эрик и Сильви всю ночь не сомкнули глаз; Сильви вдобавок вся покрылась красными волдырями.

– Москиты меня полюбили, – горько усмехнулась она.

– У меня есть крем, снимающий зуд. Хотите? Замечательно помогает. Могу принести.

– Благодарю, вы очень любезны, но давайте сначала выпьем кофе.

Кофе подали отвратительный, жидкий, пить невозможно: как видно, в этом отношении здесь придерживались американских норм. Эрик с супругой выглядели весьма по-дурацки, мне прямо-таки больно было видеть, как их “экологический рай” трещит по всем швам; правда, я чувствовал, что сегодня мне все будет причинять боль. Я снова посмотрел на юг. “Кажется, Бирма очень красива”, – тихо сказал я больше себе самому. Сильви отнеслась к моему высказыванию со всей серьезностью: в Бирме и в самом деле красиво, она тоже об этом слышала, однако *запретила себе* туда ехать. Нельзя поддерживать валютой жесточайшую диктатуру – так становишься ее сообщником. Да, подумал я, валюта. “Права человека – это важный вопрос!” – воскликнула она почти в отчаянии. Когда люди говорят о правах человека, у меня всегда создается впечатление, что они долдонят заученный урок, но тут, похоже, был иной случай.

– Лично я перестал ездить в Испанию *после* смерти Франко, – заявил Робер, усаживаясь за наш стол. А я и не видел, как он подошел. За ночь он набрался сил и своей привычной желчности. Он признался, что лег мертвецки пьяным и оттого спал прекрасно. Пока добирался до своего бунгало, несколько раз чуть не сверзился в реку, однако обошлось. “Ин ша Аллах”, – заключил он звонко.

После этой пародии на завтрак Сильви пошла со мной в бунгало. По дороге мы встретили Жозиану. Она шагала угрюмая, замкнутая, даже не удостоила нас взглядом; похоже, она тоже не собиралась вставать на путь всепрощения. “На гражданке”, как шутил Рене, она, оказываясь, преподавала словесность; это меня нисколько не удивило. Ровно такие же стервозины отбили у меня в свое время охоту заниматься литературой. Я дал Сильви тюбик крема.

– Я вам сейчас же верну, – сказала она.

– Оставьте у себя, скорее всего, мы больше не встретимся с москитами; сдается мне, они не жалуют морское побережье.

Она поблагодарила, дошла до двери, остановилась в нерешительности, потом обернулась:

– Но не можете же вы все-таки одобрять сексуальную эксплуатацию детей! – произнесла она с тревогой в голосе.

Я ожидал чего-нибудь в этом роде; в ответ я покачал головой и сказал устало:

– Детской проституции в Таиланде не так уж много. По-моему, не больше, чем в Европе.

Не зная, верить или нет, она кивнула и вышла.

Я располагал достаточно точной информацией, почерпнутой из любопытной книжонки *The White Book*, которую приобрел еще в прошлое путешествие. Она была опубликована без указания автора и издателя некой ассоциацией, называемой “Инквизиция-1000”. Под видом разоблачения сексуального туризма там приводились все возможные адреса по всем странам, при этом информационной части в каждой главе предшествовало пламенное вступление, призывающее к уважению божественного начала в человеке и восстановлению смертной казни для сексуальных извращенцев. Насчет педофилии “Белая книга” не оставляла никаких сомнений: она категорически не рекомендовала Таиланд, который если когда-либо и представлял интерес в этом отношении, то теперь его полностью утратил. Желаящим предлагалось отправиться на Филиппины, а еще лучше в Камбоджу – путешествие рискованное, но того стоит.

Расцвет кхмерского царства приходится на XII век – эпоху строительства Ангкор-Вата. Затем оно начинает понемногу загибаться; основными врагами Таиланда становятся бирманцы. В 1351 году король Рамат-хибоди I основывает город Аюттхая. В 1402 году его сын Раматхибоди II завоевывает пришедшую в упадок ангорскую империю. Тридцать шесть правителей Аюттхайи один за другим ознаменовывают свое царствование возведением буддийских храмов и дворцов. По описаниям французских и португальских путешественников, в XVI–XVII веках это был самый великолепный город Азии. Войны с бирманцами между тем продолжались; в 1767 году после пятнадцатимесячной осады Аюттхая пала. Бирманцы разграбили город, переплавили золотые статуи и оставили после себя одни руины.

Теперь тут царил покой и легкий ветерок гнал пыль между храмами. От короля Раматхибоди мало что осталось, разве только несколько строчек в “Мишлене”. А вот Будда по-прежнему присутствовал и смысла своего не утратил. Бирманцы вывезли тайских мастеров и заставили их строить такие же храмы в нескольких сотнях километров отсюда. Воля к власти существует реально и проявляется в виде *истории*; сама по себе эта воля непроизводительна. Улыбка Будды витала над руинами. Было три часа дня. Если верить “Мишлену”, полному осмотру храмов следовало уделить три дня, беглому – один. Мы располагали тремя часами; настало время доставать видеокамеры. Я представил себе Шатобриана в Колизее с портативной камерой *Panasonic* в руках: стоит и курит, причем, наверное, “Бенсон”, а не легкие “Голуаз”. Столкнись он с такой радикальной религией, как эта, его взгляды, полагаю, претерпели бы некоторые изменения; может, он меньше бы восхищался Наполеоном. Ему бы наверняка удался “Гений буддизма”.

Жозетт и Рене немного скучали во время экскурсии и, по-моему, топтались все время на одном месте. Бабетт и Леа тоже. Зато экологи и натуропаты, что называется, нашли себя и продемонстрировали впечатляющий арсенал фотооборудования. Валери задумчиво бродила по аллеям, где между каменными плитами росла трава. Вот она, культура, думал я; от нее тоскливо и хорошо; каждого она отсылает в его собственное небытие. Интересно, как им это удавалось? Как удавалось скульпторам времен Аюттхайи придавать статуям Будды выражение такого лучезарного всепонимания?

После падения Аюттхайи тайское королевство вступило в период великого спокойствия. Столицей сделался Бангкок, к власти пришла династия Чакри. В течение двух столетий (и, собственно говоря, до наших дней) государство не вело серьезных войн, не страдало от гражданских смут и религиозных противостояний; ему удалось избежать колонизации в любой ее форме. Оно не знало ни голода, ни крупных эпидемий. В условиях, когда земля плодородна и урожаи обильны, когда не свирепствуют болезни, а в сознании господствуют законы мирной религии, люди растут, размножаются и живут в большинстве своем счастливо. Теперь все изменилось, Таиланд вступил в *свободный мир*, то есть в рыночную экономику; пять лет назад случился острейший кризис, в результате которого деньги обесценились вдвое и даже самые

процветающие предприятия оказались на грани банкротства. Это было первое по-настоящему драматическое событие в истории страны за два с лишним века.

Один за другим в гробовом молчании мы вернулись к автобусу. Тронулись в путь на закате. Из Бангкока нам предстояло ночным поездом выехать в Сураттхани.

9

Сураттхани – 816 тысяч жителей – представлен во всех путеводителях как место, напроочь лишенное достопримечательностей. Но без него не обойтись, если собираешься на паром к острову Самуй, – вот и все, что можно сказать. Между тем здесь живут люди, и город, как отмечает “Мишлен”, издавна считается важным центром металлургической промышленности, а с недавних пор тут развивается еще и машиностроение.

Что бы мы делали без машиностроения? Где-то далеко-далеко добывают железную руду, доставляют ее сюда на грузовых судах. Производство станков по большей части контролируется японскими фирмами. Сборка осуществляется в таких городах, как Сураттхани, по лицензиям NEC, “Дженерал Моторс”, “Фухимори”; в результате получаются автобусы, железнодорожные вагоны, паромы. Они используются в том числе и для перевозки западных туристов и туристочек, вроде Бабетт и Леа.

Я вполне мог с ними заговорить – мы путешествовали в одной группе; но на роль потенциального любовника я не претендовал, и это сразу сужало круг тем для беседы; с другой стороны, коль скоро мы купили *одинаковые путевки*, определенный контакт я мог установить. Бабетт и Леа, как выяснилось, работали в агентстве по связям с общественностью: организовывали *мероприятия*. Мероприятия? Ну да. С представителями различных учреждений или коммерческими компаниями, которые желают заниматься меценатством. То-то небось денежки гребут, подумал я. И да и нет. Сейчас инвестиции сократились: все нацелены на “права человека”. Но в общем ничего. Я поинтересовался их зарплатой. Хорошая. Могла бы быть и лучше, но все же хорошая. Примерно двадцать окладов рабочего на металлургическом заводе в Суратт-хани. Экономика – загадочная штука.

По прибытии в отель наша группа, полагаю, рассеялась; сам я не стал завтракать с остальными; они, эти остальные, мне порядком надоели. Я задвинул шторы и лег. Как ни странно, я сразу заснул, и приснилась мне молодая арабка, танцующая в вагоне метро. На Аишу она не была похожа, так, во всяком случае, мне казалось. Она держалась за стойку, как стриптизерша, и постепенно оголяла грудь, прикрытую узкой полоской из хлопковой ткани. Наконец, улыбнувшись, она обнажила ее полностью: потрясающая грудь, смуглая, крепкая, налитая. Облизнув пальчики, она погладила себе соски. Затем положила руку мне на брюки, расстегнула ширинку, вытащила член и принялась драть. Вокруг стояли люди, выходили на своих станциях. Она опустила на четвереньки и задрала мини-юбку – трусов под ней не оказалось. Ее киска, покрытая черными как смоль волосами, манила меня, и я проник в нее. Народа в вагоне было много, но никто не обращал на нас внимания. Ничего подобного, конечно, не могло случиться в действительности. Это был сон, смешной сон изголодавшегося немолодого мужчины.

Проснувшись часов в пять, я увидел на простыне обильные пятна спермы. *Поллюция...* н-да, трогательно. Кроме того, к своему живейшему удивлению, я обнаружил, что у меня по-прежнему стояк; должно быть, дело в климате. На тумбочке брюхом вверх лежал таракан, можно было подробно изучить устройство его лапок. Отбегался, как сказал бы отец. Сам он умер в конце 2000-го и правильно сделал. Его жизнь, таким образом, целиком вписалась в XX век, до отращения типичной частицей которого он и был. Я же этот рубеж пережил и оказался ни то ни се. Мне шел пятый десяток, вернее, *самое его начало*; мне, собственно, было сорок; это примерно середина пути. В определенном смысле смерть отца развязала мне руки; своего последнего слова я еще не сказал.

Наша гостиница стояла на восточном побережье острова Самуй и замечательно соответствовала идеалу *тропического рая*, каким его представляют турагентства в рекламных про-

спектах. Со всех сторон нас окружали холмы, поросшие густым лесом. Утопающие в зелени невысокие коттеджи амфитеатром спускались к огромному овальному бассейну, на концах которого располагались джакузи. Вплыв можно было добраться до бара на островке в центре бассейна. Еще несколькими метрами ниже начинался белый песчаный пляж, а дальше – море. Я настороженно огляделся; издали узнал Лионеля, барахтавшегося в волнах, словно увечный дельфин; затем развернулся и по мостику, перекинутому через бассейн, прошествовал в бар. С наигранной непринужденностью я изучил список предлагаемых коктейлей: как раз наступил *счастливый час*.

Я выбрал “Сингапурский слинг”, и в эту минуту появилась Бабетт. “Н-да...” – сказал я. На ней был раздельный купальник, состоящий из облегающих шорт и широкой полосы бюстгальтера – все в синеголубых тонах. Ткань исключительно тонкая; такой купальник особенно выигрышно смотрится мокрым. “Вы не купаетесь?” – спросила она. “М-м...” – ответил я. Следом явилась Леа, сексапильная в более классической манере: цельный ярко-красный виниловый купальник с высокими вырезами внизу и рассеченный черными застежками-молниями, открывавшими кожу (одна молния пересекала левую грудь, и из нее торчал сосок). Она кивнула мне и пошла к Бабетт, стоявшей у воды; когда она повернулась ко мне спиной, я в полной мере оценил ее великолепный зад. Эти девицы поначалу относились ко мне с опаской, но, после того как я заговорил с ними на пароме, пришли к выводу, что я существо безобидное и даже в своем роде занятое. Так оно примерно и было.

Они синхронно прыгнули в воду. Я чуть повернул голову и продолжал за ними наблюдать. За соседним столиком сидел двойник Робера Ю⁶. Намокнув, купальник Бабетт и в самом деле выглядел эффектно: отчетливо выделялись соски и ложбинка между ягодицами; виднелся даже холмик волос на лобке, хотя она и стригла их довольно коротко. Между прочим, в это время люди работали, производили полезные вещи, иногда и бесполезные тоже. В общем, производили. А что я произвел за сорок лет своего существования? Прямо скажем, почти ничего. Я готовил информацию, обеспечивал доступ к ней и ее распространение; иногда еще занимался денежными переводами (в небольших масштабах: обычно я оплачивал незначительные счета). Словом, работал в *сфере обслуживания*. Без таких, как я, можно запросто обойтись. И все же моя бесполезность не так бросалась в глаза, как никчемность Бабетт и Леа; рядовой паразит, я не был от своей работы *без ума* и не пытался делать вид, что ее обожаю.

С наступлением темноты я вернулся в гостиницу и встретил в холле Лионеля, обгорелого, но счастливого. Он весь день купался; такая красота ему и во сне не снилась. “Мне пришлось экономить, чтобы скопить на поездку, но я не жалею”, – сказал он. Присев на край кресла, он поведал мне о своей повседневной жизни. Работал он в “Газ де Франс”, в юго-восточных пригородах Парижа; жил в Жювизи. Ему нередко случалось наведываться в очень бедные дома, где газовое оборудование не соответствовало норме. Если хозяева, несчастные старики, не могли оплатить переустановку, он вынужден был отключать им газ. “Люди в таких условиях живут... и представить себе невозможно. Всякого насмотришься”, – продолжал он, покачивая головой.

На свое жите он не жаловался. Район, правда, не очень; просто даже опасный район. В некоторые места лучше не соваться. Но в целом все ничего. “Ладно, сейчас мы в отпуске”, – заключил он и направился в столовую. Я же прихватил несколько рекламных брошюр и пошел читать их к себе в номер. Мне по-прежнему не хотелось есть со всеми. Человек в состоянии оценить себя лишь по отношению к другому; оттого и общение с другими невыносимо.

Леа рассказала мне, что остров Самуй не просто тропический рай, но еще и *суперхайповое* место. В полнолуние на соседнем островке Ланта закатывают грандиозные рейвы; туда

⁶ Робер Ю — лидер французских коммунистов в 1994–2003 годах.

приезжают даже из Австралии и Германии. “Как в Гоа”, – вставил я. “Да что там Гоа, – отрезала она. – Гоа – это отстой; за рейвом теперь надо ехать на Самуй или на Ломбок”.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.